

18+

Галина Маркус

Первая любовь

повести и рассказы

Галина Маркус

**Первая любовь.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Маркус Г.

Первая любовь. Повести и рассказы / Г. Маркус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687696-5

Первая любовь — как первая попытка летать: не знаешь, куда понесёт, но с той минуты уже не можешь без неба. Она приходит внезапно и оставляет след на всю жизнь. Автору удаётся видеть людей изнутри: с их уязвимостью, нелепостью, скрытым достоинством и нежностью, которую часто прячут под иронией. Хэппи-энд звучит здесь без фальши и сахарной романтики, а грустный финал оставляет пространство для света и выбора. Пусть этот сборник станет вашим письмом самому себе, — тому, кто когда-то любил впервые.

ISBN 978-5-00-687696-5

© Маркус Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Ведьмин внук	8
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Первая любовь

Повести и рассказы

Галина Маркус

Дизайнер обложки Елена Юшина

Иллюстратор картина на обложке – "Love story" Юшина Елена

© Галина Маркус, 2025

© Елена Юшина, дизайн обложки, 2025

© картина на обложке – "Love story" Юшина Елена, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-7696-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Первая любовь – как первая попытка летать: не знаешь, куда понесёт, но с той минуты уже не можешь без неба. Она приходит внезапно и оставляет след на всю жизнь.

В этом сборнике нет ни сахарной романтики, ни хэппи-эндів на заказ. Здесь – живая, настоящая любовь: та, что приходит внезапно и остаётся в памяти навсегда, даже если сама не задерживается. Первая – не обязательно по возрасту, но всегда по силе переживания. Первая – потому что раньше не болело именно так, не светило именно так, не рушилось так окончательно.

Герои этих историй разные – ироничные, нежные, беспощадные. Иногда всё это в одном лице. Подростки и взрослые, начинающие и уже по уши увязшие. Все – участники наивно-серьёзной и великой драмы под названием: «почему именно он?», «почему – она?», а порой и «что теперь делать?» С годами становится труднее признаться, что всё началось с чих-то ресниц, взгляда, футболки, кассеты, случайной встречи в метро или письма из армейской части.

Порой жизнь подбрасывает нам такие варианты развития уже знакомых сюжетов, что диву даёшься. А у Галины Маркус как раз так: очень жизненно, ощутимо и узнаваемо. Стильность осенних дачных домиков, разухабистый бардак студенческих общежитий, душная суэта офиса, чопорность книжных презентаций – и за всем этим обязательно стоит история любви. Несбывшейся, трагичной, невинной, роковой, разрушающей, дающей надежду, ломающей и возвращающей к жизни. Разной, но всегда – первой.

«Будьте как дети»... Именно такими трогательными детьми являются герои рассказа «Белые носочки»: первое нежное чувство помогает им освободиться от нелепых комплексов и стать по-настоящему свободными и счастливыми.

А вот в драматическом рассказе «Ведьмин внук» предрассудки оказываются сильнее юношеской страсти... Может, и правильно – как сложилось, так сложилось. Но пусть это решает читатель. Иногда неудачная первая любовь рождает монстров – одного из них мы встречаем под маской интеллигентной преподавательницы в рассказе «Стерва».

Не позволяйте циничным людям запутать вас, как бы тонко они ни играли на чувстве вины. Как говорил старый мудрый волшебник в известной на весь мир книжке: «Ты – это выбор, который ты делаешь». Об этом – и ещё о многом другом, психологически неоднозначном, рассказывает история о коварной и обаятельной писательнице Мусе.

Рассказы Галины Маркус ломают стереотипы. Оказывается, девушкам иногда можно и даже нужно признаваться первыми. В этом мире любимого человека можно переубедить – если делать это с настоящим чувством. Все мы имеем право на ошибки, и родители тоже не три жизни прожили, особенно такие молодые, как в рассказе «Нарисуй мне птицу».

Дружба? Это ведь тоже любовь. И предать друга – значит предать самого себя. Очень тонкие вопросы затрагивает офисный рассказ «Служебный не-роман», на первый взгляд – простой и житейский.

Пока жива любовь, всё возможно. И бывает так, что первая любовь становится главной и единственной. Не у всех и не всегда, но случается. И от таких историй становится особенно светло на душе. Рассказы Галины Маркус дарят надежду там, где, казалось бы, её уже не осталось. Заставляют разглядеть добро даже в самом чёрством сердце, учат не сдаваться и верить в чудо.

Потому что первая любовь – это не про идеальных людей, а про нас самих, растерянных, храбрых и настоящих. Тех, какими мы когда-то были и, возможно, всё ещё остаёмся.

Так пускай этот сборник станет вашим письмом самому себе. Тому, кто когда-то любил – впервые.

Писатель, журналист Ирина Митрофанова

Ведьмин внук

Не очень приятно оставаться на даче одной, но что поделать. Планировалось ведь сначала как: мама берет отпуск, они вместе живут в Обозлово эту неделю. Галя пишет диплом, и при этом на воздухе, не в городе выхлопными газами дышать. Раз уж моря в этом году им не видать, то хоть на природе. А тут эта родня из глубинки – у них, видишь ли, тоже отпуск. Приехали посмотреть Москву.

Мама, конечно, отказать двоюродной сестре не могла. Галя возвращаться с нею не стала: во-первых, ночевать на раскладушке удовольствие небольшое (гости ведь займут комнату родителей, а мама будет спать в Галиной). Во-вторых, надо писать диплом, а где там писать, если сумасшедший дом? Хорошо еще папа в санатории, лечит язву, он всегда нервничает, когда в доме чужие. Да и не слишком жалуется мамину родню.

Ночевать тут было не страшно – кругом люди, здесь же не садовое товарищество, а обычная поселковая улица. Раньше здесь жили бабушка с дедом, и мама тут выросла. Потом уехала учиться в Москву, вышла замуж. Всей семьей навещали стариков по выходным, оставляли на лето внучку. Когда те умерли, дом стали использовать как теплую дачу. Даже телефон тут есть и водопровод. Удобства, правда, на улице.

В воскресенье вечером Галя проводила маму на электричку, на обратном пути зашла в магазин – успела до закрытия, накупила себе продуктов на неделю и не спеша добрела до дома. И только возле калитки поняла, что единственный (так и не сделали второй!) ключ уехал вместе с мамой в Москву.

А она даже не может поехать следом – следующая, последняя электричка совсем уже ночью, метро работать не будет, а главное, она даже не взяла с собой сумочку, только деньги в карман, и все потратила. Вот так в один миг можно оказаться бомжом!

Галя вышла за калитку и в панике огляделась. Все ее подружки проживали как раз на дачах, на параллельной улице. И они уехали в начале сентября – кто учился, кто уже работал. На улице горел единственный фонарь, во многих домах зажегся свет, но она почти никого тут не знала. Ну, кое-кого знала, конечно, здоровались, но и всё. Их семью называли здесь «дачниками», считали чужаками.

Заявиться вот так и сказать: здарсьте, я буду у вас ночевать, или дайте мне денег на такси с электричкой, она, разумеется, не могла. Ночевать на улице тоже. Может, разбить окно?

Она взглядела: от поля со стороны пруда кто-то шел. Хорошо бы кто-нибудь из соседей, спросят ее, что случилось, она ответит, а там...

Точно, из соседей, но только она и днем-то при виде этой старухи спряталась бы за калитку. Жила она на другом конце улицы, внизу, слева от перекрестка. «Очень неприятная бабка», – говорила про нее мама, а соседи так и прямо называли ведьмой. Смуглая, сутулая, с черными – не седыми! – волосами мочалкой, злыми острыми глазками и крючковатым носом: ну точно Баба Яга. Впрочем, окрестили ее так не из-за внешности и не только из-за злого нрава. Даже девчонки с дач знали про нее, что она – настоящая ведьма. Не в смысле там травница или заговорами лечит, а взгляд у нее черный и вообще может сделать с тобой что угодно, коли ей не понравиться. Бабка могла отчихвостить любого встречного, а те ей ответить боялись – проклянет.

А еще у бабки был внук – тот у девчонок вызывал скорее опасливый интерес. Жила старуха вдвоем с этим внуком, чем он занимается, никто не знал, на улице считали, что у него криминальное прошлое (раньше он жил в городе), то ли с местной бандой связался, то ли сам по себе. Взгляд у него был тяжелый, волосы черные, но Гале, да и не только ей, мерещилась в нем какая-то хищная опасность, и это странно притягивало. Когда она шла к дачным подружкам и поворачивала в конце улицы направо, частенько его встречала. Иногда он копался

на углу со своим мотоциклом, иногда что-то делал на участке, но всякий раз поднимал на нее глаза и смотрел, прищурившись, как-то очень уж нагло, то ли с усмешкой, то ли с иронией – мол, иди себе мимо, хорошая девочка, смотри, осторожно.

Недавно она шла вместе с подружками, и они, хоть и боялись бабки, похихикивая, поглядывали в сторону ведьминога внука. Только Галя прошла мимо гордо, не повернув головы.

– Девчо-оонки... – протянула Наташа. – А он-то, похоже, на Галечку нашу глаз положил.

– Глупости, с чего ты взяла? – она невольно залилась краской.

– Да так смотрел на тебя, прям укусил бы, – девчонки захохотали. – Смотри, приворожит тебя ведьмин внук!

Ей стало тогда страшно – но как-то по-особенному страшно... Словно смотришь вниз с большой высоты: и завораживает, и что-то внутри опускается при мысли о расстоянии до земли.

И вот теперь та самая бабка подходит к ней, да не проходит мимо, а останавливается, уставившись своими таракаными глазками. В свете дальнего фонаря фигура ее казалась зловещим призраком: в руке у старухи была коса, видать, заготавливала сено для коровы. Молока у нее, правда, никто никогда не брал.

– Здравствуйте, – сказала вежливая Галя, все еще не понимая, как быть.

Она слишком боялась эту бабку, чтобы просить о помощи. Но больше просить было некого.

– Здравствуй, деточка. Что у тебя случилось?

Раньше Галя никогда со старухой не разговаривала, но слышала, как та хрипато отчитывает то одного, то другого соседа. Заботливость в ее неожиданно ласковом голосе казалась уловкой Бабы Яги, заманивающей жертву на противень.

Надо было ответить, что все нормально, и поискать другой выход, но Галя, как под гипнозом, рассказала бабке о происшествии.

– И что, так и будешь на улице торчать? Пошли-ка ко мне, а там... Голодная небось?

Бабка бросила пронизательный взгляд на пакеты с продуктами.

Галя и сама не поняла, как оказалась вместе с пакетами на крыльце ее дома. Снаружи он был обычным домишкой, как у всех здесь – бревенчатый, обшитый синей доской. Но репутацию имел плохую, поэтому не стоило считать Галю трусихой за то, что она замерла на темном пороге.

– Входи, входи, я свет включу, – бабка подтолкнула ее сзади, и ловушка – то есть входная дверь – захлопнулась.

Внука дома, кажется, не было. Бабка включила свет, и Галя огляделась: обычная поселковая квартира, терраса, кухня с рабочей печкой и газовой плиткой, круглый стол, скатерть с бахромой, ветхий диванчик под выцветшим покрывалом... Примерно как и у них на даче: после смерти бабушки никто ничего в доме не поменял.

Бабка деловито переложила Галины продукты в холодильник и плюхнула перед ней миску с картошкой.

– Почисть пока, деточка, а я пойду парники закрою. И за сковородкой последи, чтобы не подгорело.

Бабка зажгла газ под сковородой, приподняла крышку, и оттуда вкусно запахло тушеным мясом.

– Может, я на электричку успею... – робко предположила Галя. – У меня только денег нет...

– Да какая тебе электричка, в темнотищу переться на станцию! – гаркнула бабка. – Переночуешь у нас, а утром посмотрим, как быть.

– А телефона у вас нет? – с надеждой спросила Галя.

– И не было никогда, – усмехнулась старуха. – Всем поставили, а нам нет. Завтра со станции позвонишь.

– Да нет, я завтра поеду...

Бабка, не дослушав, отправилась в огород, а Галя принялась обреченно чистить картошку, стараясь срезать потоньше, как полагается – обычно она чистила быстро и как попало.

Старуха скоро вернулась и закопошилась на террасе. И тут Галя услышала подъехавший мотоцикл. Рука с ножом замерла над картошкой. Хлопнула сначала калитка, потом входная дверь.

– Ба, привет, – услышала она насмешливый голос. – Ну что, сварила свое черное зелье? Жрать охота.

– Тише ты, у нас гости, – шикнула старуха.

– Кто это еще?

Галя представила, как он нахмурился.

– Галя.

Бабка произнесла это многозначительно.

– Кто-кто? – сначала не понял внук и появился из-за печки. – Ах, Га-аля?

Не понятно, чего в его интонации было больше – изумления или насмешки.

– Ну, здравствуй, Галя, – и снова этот издевательский прищур, словно птичка попала в сети.

– Мама уехала и ключи увезла, – быстро проговорила она, желая объяснить свое присутствие одной фразой. – Твоя бабушка меня пригласила.

Парень хмыкнул и некоторое время задумчиво рассматривал ее, словно не зная, что и сказать. Галя принялась сосредоточенно чистить картофелину, срезая все больше и больше мякоти.

– Ну, правильно сделала, – наконец, довольно доброжелательно сказал парень.

Она вдруг поняла, что не знает, как его зовут, и тут же удивилась: а ее-то имя откуда?..

Он взял с кухонного стола маленькую помидорину, запихнул за щеку и отправился куда-то на улицу, видимо, загонять мотоцикл. Потом вернулся, снял грязную куртку и умылся прямо на кухне. Появилась старуха, быстро и деловито помогла Гале дочистить картошку, поставила ее на огонь. Парень схватил было сковородку с мясом, но бабка гаркнула:

– Ждем гарнира! – и тот, пожав плечами, отступил вглубь кухни.

Галя сидела на стульчике, не понимая, что делать дальше.

– Иди, деточка, в комнату, – вспомнила про ласковый тон старуха. – Толик телевизор включит, идите.

Толик, усмехнувшись, сделал приглашающий жест. Галя на негнущихся ногах прошла в проходную комнату. Спальня старухи была, наверное, дальше, там было темно, а тут явно обитал внук. Диван попримечнее, чем на кухне, старый письменный стол с двухкассетником (кассеты валялись везде, даже на кресле). Телек – но не такой допотопный, как у них на даче, а современный, как в московской квартире. Старый платяной шкаф с незакрывающейся дверцей. Джинсы на полу и пара маек на том же кресле.

Толик сгреб майки с кресла, поднял с пола джинсы, раскрыл шкаф и запихнул туда все одним комком. Галя сама собрала кассеты и присела в кресло. Повертела в руках коробочки: что за музыку слушает ведьмин внук? Несколько надписей были ей незнакомы, а вот зато: на одной накарябано «Кино», на другой «Наутилус Помпилиус».

– Тебе что поставить, что слушаешь? – спросил Толик, взясь с кассетником.

– Вот эту, – Галя протянула ему коробочку с Нау.

Тот оценивающе хмыкнул, подкрутил пленку карандашиком и вставил в маг. Бутусов запел про синоптиков – запись была не качественной, и это был не настоящий альбом (Галя помнила его наизусть), а сборник песен в произвольном порядке, возможно, с концерта.

– Слушаешь русский рок? – поднял брови Толик. – А я думал, какой-нибудь «Ласковый май».

– А ты даже про это думал? – не полезла за словом в карман она.

Он не ответил, плюхнулся на диван, явно не зная, как себя с ней вести. Это тебе не заборчиком усмехаться, злорадно подумала Галя. Она вдруг поняла, что больше его не боится. Повернула голову, намереваясь спросить что-нибудь первой, и поймала на себе его напряженный взгляд. Он непривычно смутился, встал и перемотал кассету – она сама не любила «Всего лишь быть». А сейчас эта песня вообще звучала ужасно двусмысленно: «У меня есть дома новые пластинки...»

Зазвучал «Взгляд с экрана»: «Она читала мир как роман, а он оказался повестью. Соседи по подъезду, парни с прыщавой совестью».

– Оставить?

– Оставь, – смело сказала она.

Сейчас все любимые песни казались исполненными иного смысла.

– Учишься? – вдруг спросил он.

– Уже диплом пишу.

– Ясно.

– А... ты?

– Днем обчищаю дачников, а ночью собираю для бабки землю на кладбище.

– Толик! – старуха, оказывается, все слышала. – Не пугай девочку.

– Боишься? – он с интересом смотрел на нее.

– И что, сегодня тоже собрался? – небрежно спросила Галя.

Она не была уверена, что это шутка.

– А как же. Пойдешь со мной?

Бутусов как раз зловеще запел про «Князя тишины», который «идет вслед за мной».

– Ужинать! – приказала старуха своим самым злобным голосом.

Ели молча, бабка с расспросами не приставала, Толик тоже молчал. Галя думала, ей кусок в горло не полезет, но мясо оказалось изумительно вкусным, как и картошка с маслом и зеленью. Из комнаты доносилась самая лучшая песня альбома – загадочная, мистически-таинственная, наполненная безмерным пространством космоса «Бриллиантовые дороги».

Галя вдруг подумала, а где они все будут спать. Неужели старуха постелет рядом с собой? С ума сойти, проснешься ночью, а она... что-нибудь страшное делает, или смотрит на нее, не мигая...

– Похоже, сегодня я сплю в сарае? – притворно вздохнул Толик, словно подслушав ее мысли.

– В сарае, в сарае, – пробурчала бабка.

– Оставить тебе музыку? – парень повернулся к Гале.

– Как хочешь.

– Ладно, до завтра.

Он как-то слишком быстро поднялся, и Галя вдруг с тоской поняла, что Толик сейчас уйдет в сарай (если не на кладбище), а она останется с бабкой наедине.

– Подожди, – невольно вырвалось у нее.

Толик удивленно обернулся. Бабка принялась собирать со стола.

– Мне бы позвонить завтра... – просительно сказала Галя. – Не знаешь, откуда?

– Могу утром подбросить на почту. А куда будешь звонить, в Москву?

– Ну да... скажу родителям про ключи.

– И че, они сорвутся с работы и ключики тебе повезут?

– Ну... нет, ты прав. Тогда одолжи мне на электричку... пожалуйста. Уеду с утра.

Она невольно обращалась к нему, а не к бабке – та самоустранилась.

– С пустыми руками? Паспорт твой где?

– Внутри, где же еще. Да всё там, – с досадой сказала Галя. – Вот же попала... И диплом там, и все.

– Ну и чего ты паришься. Откроем завтра твою дверь.

– Да? – удивилась Галя. – А как же замок?

– Новый поставлю.

– А ты умеешь?

– Что, квартиры вскрывать? Конечно, – снова усмехнулся Толик.

Он немного постоял, словно не зная, не пригласить ли ее на улицу подышать воздухом. Она бы с радостью вышла – конечно же, ради воздуха, – но момент был упущен, оба промолчали, и Толик отвернулся, подхватил телогрейку и был таков.

Нина Егорьевна – Галя догадалась, наконец, спросить, как ее зовут, – постелила ей на диванчике Толика. Белье было старенькое, но пахло свежестью. Обращалась старуха к ней все так же ласково, но односложно. Вообще ничего особо зловещего сейчас в ней не наблюдалось. Дома она ходила в холщовом халате и синих плюшевых тапочках с зайчиками – такие носят девчонки. И казалось просто некрасивой, полной забот старухой. Вежливости ради, но в надежде получить отказ, Галя предложила помыть посуду.

– Ну, помой, – согласилась Нина Егорьевна, – а я пойду одеяло Толику отнесу.

Под песню «Казанова», не жалея соды, Галя кое-как отмыла жирную сковородку чуть теплой водой. Старуха вернулась, повозилась еще на кухне и ушла к себе, пожелав ей спокойной ночи. Галя обычно до двенадцати не ложилась, но, видимо, старуха вставала рано.

– Ой, а туалет у вас где? – опомнилась Галя.

Дома у нее на такой случай стояло ведро – не бегать же ночью на улицу.

– Как выйдешь с террасы, налево, сбоку от сарая, – зевнула бабка.

Провожать она ее явно не собиралась.

Галя вышла, выпустив полоску света с террасы. Сталкиваться с Толиком сейчас не хотелось. Окошко сарая было темным – наверное, умотал куда-то, к приятелям, может. Или к девке какой. Хотя все были уверены, что Толик принадлежит местной банде, никаких приятелей-хулиганов рядом с ним никогда не видали. Но девушка-то у него наверняка была. У девушек он, похоже, пользуется популярностью.

Галя нащупала скрипучую дверь туалета – темно внутри, ну совсем ничего не видеть, не промахнуться бы...

– Фонарик там справа.

Она вздрогнула. На лавочке за сараем сидел Толик. Он как раз чиркнул спичкой и зажег сигарету.

Хорошо, что ночью не видно, как она краснеет. И что, он так и будет сидеть тут, пока она?.. Толик, однако, встал и прошелся к калитке – огонек его сигареты мелькнул в конце дорожки. Галя как можно быстрее закончила с посещением заведения (фонарик, и правда, помог), но в дом не зашла, задержалась на пороге, словно ожидая, что ее снова окликнут.

– Я машины чиню, в мастерской. Кооператив у ребят на той стороне станции, – услышала вдруг она. – А ты что думала?

Снова мелькнул огонек – Толик по-прежнему стоял возле калитки. Она нерешительно подошла, он посторонился, и она тоже оперлась плечом о невысокий забор – настоящих воров тут не боялись, кто же полезет к ведьме?

– Ничего я не думала...

– А я, как ты верно сказала, думал, – усмехнулся он.

- А учиться, значит, не стал? – торопливо спросила Галя.
- Значит, не стал, – жестко ответил он.
- У тебя родителей нет, да? – аккуратно задала новый вопрос она.
- Отец ушел давно, а мать в Москве.
- А ты что же здесь...

Он ответил неохотно и не сразу:

- Она с новым мужем живет, у них двое детей. Я там лишний.
- Понятно...
- Да? – он бросил сигарету и повернулся к ней. – И что тебе понятно?

Голос был злым, и Галя тоже разозлилась.

- Ничего. Спокойной ночи. Спасибо, что приютили.
- Стой, – он сказал это как-то иначе, придержал ее было за руку, но тут же отпустил. –

Не обращай внимание. Я знаю, что тут о нас говорят.

- Это все глупости! – горячо, но неловко запротестовала она.
- Да ладно, – хмыкнул он. – Видел я, как ты у печки дрожала. Гадала, небось, что там на тебя наложила бабка: приворот или безбрачие?

– А ты бы чего хотел?

– Приворот, конечно, – его голос неожиданно улыбнулся. – Я же давно на тебя глаз положил.

Значит, слышал, что сказала дура Наташка.

– Тогда лучше безбрачие, – съязвила она.

Но Толик уже помрачнел – она угадывала его настроение в темноте, словно видела, – и достал новую сигарету.

– У бабки моей характер скверный, – сказал он чуть хрипло. – Настроила против себя весь поселок, и внешне тоже не ангел. Дед от нее быстро ушел к другой, через два дома отсюда. А та через неделю утопла. Вот все и кличут с тех пор ведьмой.

– А... дед?

– Вернулся. Но она не пустила. Помыкался где-то и помер с пьянки. Ну, это тоже бабке моей приписали.

Он помолчал.

– Я это с детства слышу. До школы мы здесь с мамой жили. Я тебя, кстати, помню. Тебя на лето сюда привозили.

– А я тебя – нет... Правда, я с местными мало играла, меня с ними далеко не отпускали.

– Я тоже. Пацаны со мной играть не хотели. Боялись и дразнили.

– А ты?

– Ревел, дрался, а после решил: обойдусь. Пусть по-настоящему боятся.

– А они?

– По-настоящему испугались. Дразнить перестали. Но дружить не начали.

– А там, в Москве, у тебя остались друзья?

– Ну... я не особо общаться хотел. Да нет, так, есть приятели, одноклассники. Они все в институты поступили. Я десятилетку окончил, год в техникуме автотранспортном, а потом бросил. После армии уехал сюда.

– Отчим? – изобразила понимание Галя.

Она слышала такие истории, но понять их изнутри, разумеется, ей было трудно. Хотелось спросить про отца, но воздержалась: тоже, небось, плохо кончил.

– Да не... то есть, да. «Я в твои годы...» – передразнил Толик. – А, ладно, че я тут тебе... Извини.

Галя не знала, что сказать. Посочувствуешь невпапад, еще разозлится.

– Ладно, иди спать, – как-то безразлично вдруг произнес он. – Завтра не работаю, в выходные отпахал, так что займемся твоей дверью.

– Спасибо, – неловко ответила она.

Постояла, помявшись. Но не нашлась, что сказать, пожелала ему спокойной ночи и пошла в дом. А он даже не оглянулся.

Галя заперла за собой дверь, погасила свет на террасе. У бабки в комнате было темно, похоже, уже спала.

Галя выключила свет и легла в постель, повертелась немного, пытаясь понять, как она вообще здесь оказалась. Мысль, что она спит там, где обычно Толик, смущала и волновала ее. За окнами было темно, в доме тоже, за стеной – дверь открыта – спала, похрапывая, местная ведьма, а Гале было совсем не страшно. Хотя поселковых можно понять: смерть разлучницы через две недели? Интересное совпадение.

Может, у его бабушки просто сильная энергетика? Если так, то и у него тоже... Состояние было возбужденным, Галя не сразу заснула, спала беспокойно. Где-то совсем на рассвете бабка встала и отправилась доить корову. Из открытого окна пахло утренней свежестью – как-то иначе, чем у них на даче, может, к запаху примешивался запах сена и стойла, но это не было неприятно. Вообще бабка оказалась опрятной и готовила вкусно. А старое тряпье, видать, носила только на улице, соседей отпугивать.

Галя еще немножечко подремала, но вовремя проснулась – надо успеть сходить в туалет, одеться, умыться, прежде чем объявится Толик. Но за окном уже слышался разговор – Толик вяло переругивался с бабкой, что-то по хозяйству, какое ведро брать и куда делась его телогрейка.

Хлопнула входная дверь, и Галя натянула на себя одеяло – спала она в той же майке, в которой ходила днем, только лифчик из-под нее стащила (он и так-то был ей не слишком нужен, носила ради приличия, а уж спать в этой удавке...). Толик разулся в коридоре и осторожно, почти на цыпочках, вошел в комнату. Она притворилась, что спит. Пару секунд стояла тишина: Галя поняла, что ее рассматривают. Потом скрипнула дверца шкафа. Она чуть приоткрыла глаза: Толик стащил с себя рабочую майку и искал свежую. Торс у него был крепкий, загорелый, плечи – подкачанные от физического труда, движения ловкие. Он повернулся, и Галя тут же зажмурилась. Снова несколько секунд возни, и шаги быстро удалились.

Она поскорее поднялась, водрузила лифчик на место и прибрала постель. Теперь майка пахивала потом. Тушь с ресниц она смыла вчера хозяйственным мылом, и теперь глаза были красноватыми. Вот уж не думала, что в начале знакомства будет показываться парню в таком виде. Хотя – о чем она? Какое еще знакомство...

Хозяева вернулись, Толик бросил на нее короткий взгляд и принялся накрывать на стол. Нина Егорьевна скрипуче пожелала доброго утра. Она принесла банку с парным молоком и, не спрашивая, налила Гале целый стакан. Обычно она молоко не пила, и в голову пришла неприятная мысль: не берите питье из рук ведьмы. Но после вчерашнего ужина думать об этом уже было поздно. Галя выпила залпом, и ей показалось даже вкусно.

Во время завтрака бабка уставилась на нее – не столько добрым, сколько одобрительным взглядом:

– Хорошая у тебя кожа, чистенькая. Вот ведь какие есть девочки, без косметики, а такие красавицы!

Галя испуганно скрестила под столом пальцы. Толик это явно усек.

– Баб, а ты приворотное-то ей подлила, не забыла? – с серьезным лицом спросил он.

– Смени пластинку, – огрызнулась Галя. – Было уже.

– Шутит он! – рявкнула Нина Егорьевна, как обычно рявкала на соседей.

После завтрака Толик вооружился стамеской и еще какими-то инструментами, кажется, монтировкой, и они с Галей отправились вскрывать дверь. Улица, по счастью, была пуста – все на работе, а то ведь сплетен не оберешься.

Толик как-то очень ловко всунул в дверную щель монтировку, придавил дверь, потом потянул на себя и отжал замок.

– Холодно-то как, – поежилась Галя, входя в родной дом. – Печку придется топить.

– Умеешь?

– Да... – нехотя сказала она. – Только терпеть не могу. Пока оно еще разгорится там...

Толик молча встал и отправился к поленнице во дворе. Принес дрова и занялся растопкой. Галя стояла рядом, наблюдая за ним. Его действия – четкие, слаженные, каждое из которых достигало поставленной цели, – завораживали.

Огонь начал разгораться, приятно потрескивая. Тут без стука появилась Нина Егорьевна – приволокла Галины продукты, разулась, деловито выгрузила все в холодильник и так же без лишних разговоров обулась и ушла.

Галя поставила чайник. Ей не хотелось, чтобы Толик уходил. И ему, она видела, тоже, но он чувствовал себя неловко.

– Теперь ты проходи! – весело предложила она. – Сегодня ты у меня в гостях.

– Ночевать тоже оставишь? – хмыкнул он.

– Это вряд ли, – парировала она. – Но чаем напою. Готовить я так вкусно, как твоя бабушка, не умею.

Толик прошел в комнату, огляделся, присвистнул на книжный шкаф.

– Ого, сколько книжек! И что, все прочла?

– Да разве это много. Это бабушкины, а в Москве у нас три шкафа и полки.

Это была гостиная, своей комнаты, как у Толика, у Гали тут не было. На большом столе у нее были разложены исписанные листы – черновики, схемы плакатов.

Толик подошел, молча посмотрел.

– Анализ предприятия делаю, баланс там, прибыль-убытки, – объяснила она. – Дипломный проект мой.

Говорить она старалась непринужденно, полушутливо, скрывая волнение.

– Ты здесь все время одна?

– Я же говорю, мама уехала на всю неделю. Кстати! Позвонить же ей надо.

Она набрала межгород. Мама, по счастью, еще была дома, тоже кормила гостей завтраком. До этого она так и не обнаружила, что увезла ключи, разохалась, собралась ехать обратно. Галя ее успокоила: все хорошо, ночевала у подружки, ее папа уже поменял замок. Толик молча слушал это вранье.

– Ладно, я за замком на станцию, – сказал он, и, помолчав, добавил:

– Поедешь?

– На мотоцикле?

– Ага.

То есть сидя сзади него, прижимаясь к его спине. Галя понимала, одно из двух: либо ей придется с ним засветиться, либо сказать спасибо – и на этом все.

Она выбрала первое.

Весь день они провели вместе. Съездили за замком, Толик быстро его врезал, потом Галя сварила сосиски, поели их с хлебом и огурцами.

Потом находиться в доме вдвоем стало неловко. Но мысль о расставании даже не приходила им в голову. Толик предложил погулять где-нибудь. Галя вспомнила о застоявшемся велике. У Толика велосипеда не было, но у них в сарае стоял еще старенький дедов. Они поехали через шоссе в лес, долго катались там, даже доехали до соседнего поселка – Галя хорошо знала маршрут, они с папой ездили туда к озеру. Спустились к воде, бросив велики на пустынной тропинке.

Сентябрьский день был теплым, солнце даже припекало. Они выбрали место в тени, Толик постелил свою куртку, и они сели на нее вместе, очень близко, но не касаясь друг друга. Галя исподтишка наблюдала за ним: он словно вслушивался в природу, в себя, в мир вокруг – будто впервые увидел.

Посидели в тишине, потом как-то легко разговорились. В основном болтала она, а он больше слушал, и ей было с ним легко и спокойно, и главное, совершенно не надо притворяться. Галя чувствовала, что ему все в ней нравится, что бы она ни сделала и ни сказала. А он... он нравился ей так, что это даже начинало пугать.

Потом они еще покатались, и много смеялись, язвили, подкалывали друг друга, как школьники. В нем словно проснулось забытое детство, он ожил, глаза его перестали быть насмешливо-жесткими, он смотрел на нее иногда вопросительно, иногда тревожно-растерянно, иногда снова мрачнел. Зато усмешку теперь сменила неровная, неполная, но все же улыбка.

Домой приехали усталые, поставили велики в сарай. С работы возвращались соседи, но Галя не обращала на них внимания. Дома снова перекусили. Толик в шутку предложил пойти поужинать к бабке, но оба понимали, что этого делать не стоит.

Потом разбирали уже ее кассеты. «Вот, – сказала Галя. – „Князь тишины“ – это полный альбом, настоящий». Они сидели рядом на диване и слушали «Я хочу быть с тобой», «Гуд-бай Америка», слушали вместе, совсем иначе. Толик снова начал бросать на нее свои мрачно-страстные взгляды. Галя смеялась в ответ. Смеялась, пока он не наклонился к ней и не дотронулся губами до ее губ, но при этом не обнял, не прикоснулся рукой. Она первая взяла его руку в свою. Ощущения были потрясающими, какой-то совершенный провал – ввысь, и душой, и телом, от одного только прикосновения.

И тогда он уже привлек ее к себе всю, полностью захватив в объятья, поцеловал так, что она выпала из реальности. Слюнявые прикосновения Димки – разве это был поцелуй? Она испуганно отстранилась, в страхе, что перестанет себя контролировать.

Он снова притянул ее, но уже с большей нежностью, даже с трепетом, словно маленького ребенка. Она приникла к нему, и так они некоторое время сидели, не двигаясь, только их руки, соединившись, ласкали пальцы друг друга. Периодически он касался губами ее волос. Они даже не заметили, как стемнело.

– У тебя кто-нибудь был? – спросил вдруг он.

– Ну... да. Был... один парень.

– И что? – его голос в темноте звучал напряженно, а рука замерла, сдавлив ее ладонь.

– Ну... не сложилось.

– В Москве?

– Да.

– И что у тебя с ним было?

– Как что... Встречались, полгода где-то.

– И... ты с ним... вы были... вместе?

– Что? Ты... ты про... нет, конечно! – возмутилась она.

– Да, я дурак, прости! Разумеется, нет.

– Нет, ну мы... целовались, понятно...

Она проклинала себя за это свое свойство сразу краснеть. Как будто он не понял, что целоваться она не умеет. В темноте, правда, не видно. Или он чувствует, как горит у нее лицо?

Целовалась она, если честно, единственный раз – с тем самым Димкой, дачным приятелем, когда он провожал ее после собственного дня рождения. Вот только на другой день Наташка поведала ей, что накануне он гулял с другой девчонкой. Вертихвост, сказала мама. Сразу видно, в голове ничего серьезного.

Ей как-то не везло... Хотя она знала, что многим нравится, но это не во что не превращалось. Начать с одноклассника, который – она точно знала, – был в нее влюблен, два года звонил и дышал в трубку, вместо того чтобы пригласить в кино. Потом – этот Вадим в институте. Только что не испепелял ее взглядами, но так и не подошел, а на пятом курсе явился уже с кольцом на безымянном пальце. А ведь он ей нравился, даже очень.

– Понятно, – усмехнулся Толик, словно похвалил ребенка, чуть снисходительно, но облегченно. – А почему расстались?

– Это давно было, мне тогда восемнадцать только... Его в армию забрали. Я его не то что ждала, такой договоренности не было, но переписывались. А он вернулся и загулял. Как будто я не узнаю.

Такого вдохновенного вранья она еще никогда не выдавала. Но получилось достоверно – эту историю она припасла заранее для подобного случая. На самом деле все это случилось с ее подружкой. Врать Толику было противно, но нельзя же признаться, что опыта у нее к двадцати двум годам попросту никакого.

– Придурок. Такую девушку потерять...

Это был не комплимент, он действительно недоумевал.

– Да ну его, я даже почти не переживала, – поспешила сказать она. – Он какой-то другой вернулся. А... у тебя?

Он махнул рукой – так, что не надо было объяснять: ну было, да просто... сама понимаешь. Но Галя нахмурилась: она рассказала, и ты, мол, рассказывай.

– Не было ничего серьезного.

– То есть ты ни с кем... не... ну, ты понимаешь... – недоверчиво спросила она.

– Наоборот. Кроме этого ничего и не было. Рассказывать не о чем.

Обоим вдруг стало ужасно неловко. Галя выскользнула из-под его руки, встала и включила телевизор. Комната озарилась неживым светом с экрана.

– Мне пора, наверное, – полувопросительно сказал он.

– Да, – односложно ответила она и, не возвращаясь к нему, начала перебирать бумаги на столе. – Попишу еще посижу, а то ничего не сделала за сегодня.

Он встал и пошел к выходу, быстро обулся, нащупал на вешалке куртку. Она включила свет в коридорчике и на кухне.

– Завтра работаешь?

– До восьми.

Она промолчала – поздновато для свиданий дома, а куда тут идти – не гулять же у всех под окнами, и не в лес же?

– Зайду тогда. Выйдешь? – спросил он.

– Да.

Снова неловкая пауза: то ли целоваться на прощание, то ли не стоит. Оба как-то решили, что не стоит, лучше пусть, что называется, «продолжение следует».

Толик ушел.

Галя заперла дверь, потом вспомнила, что забыла закрыть калитку. Вышла и заперла ее, глянув в конец улицы – Толик уже скрылся в темноте. Стало тревожно и неудобно. Она не впервые ночевала на даче одна, но сейчас было особенно не по себе. Кроме того, ей бешено

хотелось снова оказаться в его объятьях, без которых сейчас казалось особенно холодно. Хоть Толик перед уходом еще подбросил дров, ее знобило.

Перед глазами стоял он, его взгляд, плечи, темные пятна пота под мышками. Она словно еще ощущала его запах, кровь начинала пульсировать в ней при одном только воспоминании об их поцелуе. Неужели с ней, наконец, случилось то, чего она так давно ждала? Но это не было прекрасно или волшебно, это было упоительно страшно, такое сильное-сильное притяжение... Она и не подозревала, что ее сразу затянет в такой глубокий омут, что с ней такое возможно. Еще днем она думала, что будет играть с ним, как кошка с мышкой, насмехаться над ним, подшучивать... переиграет его насмешливую улыбку. Она вспомнила мамины рассказы, как папа за ней ухаживал, как она постепенно в него влюбилась. А это что же такое... в первый же день так попасть...

А он? Что это для него?

Ответ на этот вопрос она получила в ту же ночь. Работать над дипломом она, конечно, не стала – какой уж тут диплом. К тому же завтра у нее будет целый день, пока Толик на работе. Галя погасила свет, легла, но заснуть, разумеется, не могла. Шторы она раскрыла – спать в темном доме, когда на улице тоже темно, да еще с закрытыми шторами?

В какой-то момент что-то ее встревожило, то ли свет дальнего фонаря с перекрестка мигнул иначе, то ли послышалось движение в саду. Она вылезла из постели, накинув на себя одеяло, осторожно подошла сбоку к окну, посмотрела на запертую калитку и дорожку к крыльцу, потом перевела взгляд на скамеечку слева и вздрогнула: либо так падала тень, либо на скамейке кто-то сидел.

Она напряженно вглядывалась: если это злоумышленник, то зачем там сидит? На самом деле она догадывалась, но боялась себе в этом признаться. Человек поднялся и прошелся по дорожке туда-обратно, зажегся знакомый огонек, и сквозь открытое окошко в комнату потянуло табачным дымом. На дорожке было светлее, да и сомнений уже не осталось.

Калитка была заперта, значит, перемахнул через забор. Неужели надеется, что его пустят? Но тогда почему не постучал? Нет, он знает, что она ночует одна, и пришел ее охранять. Или просто... не может отсюда уйти. И что, интересно, думает бабка?

Галя не знала, как поступить. Открыть, выйти к нему? Но что это будет значить? Приглашение, вот что. Она знала, интуитивно чувствовала, что нельзя этого делать. Хочет торчать в саду – пусть торчит. Лишь бы только ушел потом так, чтобы никто не видел.

Но и лечь спать она, разумеется, не могла. Закуталась в одеяло и села возле окна, не отрывая от него глаз. Он быстро почувствовал, обернулся на дом. Увидеть ее он не мог, но Галя отпрянула от окна и упала на диван. Сколько прошло времени, она не знала, а когда она в очередной раз встала посмотреть, за окном уже начинало светать. И в саду никого не было.

На другой день Галя честно пыталась писать диплом – соображать получалось плохо, так что в основном она переписывала на чистовую уже сделанные расчеты. Ближе к обеду, доставая очередную порцию сосисок, подумала, что если Толик придет к ней сразу после работы, его надо накормить получше. Почистила картошку, и на этом ее приготовления и закончились бы (огород они не сажали, только цветы и плодовые кустарники). Однако ближе к вечеру к ней снова без стука, но с надлежащим шарканьем по коврику, заявила Нина Егорьевна с полным ведром помидоров и огурцов в одной руке и с большим, накрытым фольгой, блюдом, в другой.

– Овощей принесла, – буднично сказала она, словно это само собой разумелось. – Салатик порежешь. Да вот курочку запекла. Угощайся.

– Спасибо, – пробормотала Галя, глядя, как старуха без лишних вопросов покидает дом.

Похоже, бабка решила, что Толик у нее поселился, а мальчика надо кормить. Галя опомнилась и выбежала за ней за калитку: надо было дать ей понять, что Толик здесь не ночевал, но она не знала, как. Но той уже и след простыл, словно это была не шестидесятилетняя женщина, а спортсменка-бегун. Зато возле калитки нарисовалась соседка из дома напротив – заполошная женщина лет сорока пяти.

– Чой-то ведьма к тебе приходила? – испуганно зашептала она.

– Да так... овощей у нее попросила, – проявила находчивость Галя.

– Нашла у кого овощей просить! Хочешь, я тебе помидоры продам, а огурцов так насыплю – девать некуда.

Галя неопределенно пожала плечами – мол, посмотрим.

– У тебя святая вода-то есть? – продолжала та.

– Ой, извините, кажется, телефон звонит, – Галя сделала вид, что прислушивается, и поспешила обратно за калитку.

Он пришел вечером, в восьмом часу, по осенней темноте. Постучался в окно, а не в дверь, она вышла навстречу. Днем прошел небольшой теплый дождик, и в воздухе пахло сырой листвой – и зеленой, и уже упавшей.

– Заходи, голодный, наверное, – весело сказала она.

Насмешливость исчезла из его глаз, а его мрачно-страстный взгляд пугал ее, хотелось, чтобы ему было легко, хорошо с ней.

– Нет, – сказал он, не двигаясь.

– Да! – возразила она. – Ни спать, ни есть решил? Давай быстро, остынет.

Он зашел, потянул носом:

– Вкусно пахнет!

– Увы, не моя заслуга. Моя только картошка. Остальное твоя бабушка принесла.

– Ба приходила? – изумился он. – Что сказала?

– Ничего не сказала. А вот ты ей... ты что ей сказал?

– Она ничего не спрашивала.

Он накинулся на еду, она принялась помогать. Но потом лучше было переместиться на улицу, и они устроились не на скамейке, а в беседке, стоящей в густом окружении яблонь и ежевики. Здесь их никто не увидит и не услышит.

Сколько они там просидели, она не знала. Опомнилась, когда стала замерзать даже в его объятьях, из которых он ни на минуту не выпускал ее. Губы горели от поцелуев, тело требовало его рук еще и еще. При этом они как-то еще разговаривали. Из него, правда, все приходилось вытягивать. Галя старалась не возмущаться на его мать, но получалось с трудом. Просто взять и вычеркнуть сына, не дать ему образования, отправить в деревню к бабке – живи, как хочешь! Толик подчеркивал, что это его собственное решение, ему не нравилось жаловаться. Потом она начала строить планы, куда им лучше сходить вместе, когда она вернется в Москву, у него ведь такой удобный режим работы – может приезжать два раза в неделю. Он слушал молча, и это ее тревожило.

– Ладно, тебе пора. Тебе же на работу завтра... – с тоской сказала она, понимая, что он иначе не выспится.

Она не призналась, что заметила его вчера.

– Хорошо, – послушно согласился он.

Галя проводила его до калитки, посмотрела, как он уходит в свете фонаря. Заперла и вернулась домой. Здесь она поняла, что они забыли про печку, но топить было лень. Она выпила горячего чая, закуталась в несколько одеял и легла.

И, конечно же, не выдержала, через какое-то время подскочила к окну. Сердце замерло: он был здесь. Там же, на скамейке. Практически невидимый, но она видела, потому что знала. Как была, закутанная в одеяло, Галя засунула ноги в тапки, отперла дверь и вышла на крыльцо.

– Толя... – тихо позвала она.

Он встал и подошел, не отвечая.

– Иди домой. Тебе холодно.

– Не могу.

– Почему?

– Не знаю. Не могу, что ты здесь одна...

– Хорошо, тогда иди в дом.

Непонимающее молчание.

– Постелю на кухне, – поспешила добавить она. – Хотя бы поспишь...

– Нет, не надо... я уйду, не волнуйся. Попозже.

– Пошли, говорю. Я тоже из-за тебя не сплю... вторую ночь...

– Печка... – понял он. – Надо растопить.

– Поздно уже. Сейчас, поищу раскладушку.

Галя накинула на пижаму бабушкин халат, но все равно было очень холодно. Задернула шторы, включила свет, но после нескольких минут поиска вспомнила, что раскладушка осталась в сарае. А класть Толика на родительскую кровать было уж как-то слишком...

– Ладно, валетиком ляжем, – непринужденно сказала она.

Кинула на другую сторону дивана вторую подушку и достала второе одеяло – у мамы всегда хранился еще один заправленный комплект белья.

– Давай, все, спать надо.

Толик разделся до трусов, дрожа от холода, нырнул под свое одеяло, потом приподнялся, накинув на них обоих еще и плед.

– Холодно, да? – спросила она.

– Нормально.

– Дай мне руку.

Они протянули друг другу руки, но едва дотянулись пальцами.

– Перевернись, – прошептала она.

Толик вместе с подушкой перевернулся, они соединили руки под одеялами и теперь смотрели друг на друга в темноте.

Сегодня в беседке их объятия были весьма горячими, им всего было мало, они не могли оторваться друг от друга; губы Толика познакомились и с ее шеей, и с руками, и даже с впадинкой между шеей и грудью, а руки так вообще не могли остановиться, стараясь охватить ее всю одновременно. А вот сейчас, странное дело, они чувствовали себя как два школьника, которые впервые взялись за руки, и перейти эту границу казалось совершенно невозможным. Галя в какой-то момент потянула к себе его руку и прижала его пальцы к губам, и он задышал чаще и отнял руку.

Потом холод все-таки заставил их согреть друг другу ноги, но и только. Состояние было таким, когда телу очень хочется спать, но возбужденный разум не дает отключиться. В конце концов они как-то одновременно заснули, но утром границу все-таки перешли и сплелись в объятиях, впрочем, вполне целомудренных. Когда они окончательно проснулись, Галя при-

жалась к нему крепче. Вполне ощущать его тело ей не давала пижама, невыносимо сладостные ощущения нарастали. Они страстно поцеловались, рука Толика полезла ей под пижаму и нащупала грудь, но это ей показалось чрезмерным, и она как-то испуганно дернулась. Толик чертыхнулся, буквально отпихнул ее от себя и резко сел на диванчике, откинув одеяло.

Потом встал, быстро оделся и пошел растапливать печку.

Он как-то очень забавно пил чай, то и дело приподнимая чашку и осматривая ее дно, причем сам этого действия явно не замечал. У Гали почему-то защемило сердце. Они поцеловались на прощание, и Толик убежал на работу. Галя старалась не думать, видел ли его кто, впрочем, он обещал перемахнуть через забор с той стороны дома, куда окна соседей не выходили.

Остальные дни этой недели прошли по похожей схеме. В четверг он не работал, и они покатались на великах, поискали в лесу грибы, съездили за продуктами на его мотоцикле. Соседи встречались, в том числе и кудрявая запыленная, их уже многократно видели вместе, но Гале стало плевать. Ей было все равно, что они скажут, ну если и не совсем все равно – это ничего бы не изменило.

Нина Егорьевна, словно кто-то ее обязал, каждое утро приносила им молока и какое-нибудь вкусное жаркое, чтобы Толик не голодал. Домой он почти не показывался, разве что переодеться, а бабка даже не возмущалась и по-прежнему ни о чем Галя не спрашивала, только ставила на стол продукты и, проскрипев что-нибудь вроде: «вот кабачков запекла, попробуй» или «яички свежие, всмятку свари», шла восвояси.

И в следующие два дня Толик приходил после работы и оставался. Они спали вместе, их ласки становились все интимнее, и она допускала уже гораздо больше, но по молчаливой договоренности самого главного не происходило. Для Толика, она видела, да он и не скрывал, это было мучительное наслаждение, от которого он уже не мог отказаться.

На ночь она, уже не стесняясь, ставила для них на терраску ведро, которое утром Толик, привыкший вставать раньше всех, выносил.

В воскресенье они поехали погулять в монастырь в трех станциях от их поселка. Лес вокруг монастыря играл на солнце желто-красными красками. Запах упавшей листвы, белые облака на пронзительно-голубом, но уже таком осеннем небе, рука Толика в ее руке. Иногда он уходил вперед, и она не могла оторвать глаз от его упрямого коротко стриженного затылка, и тогда он неожиданно оборачивался, и смотрел на нее так... Когда он так смотрел, ей почему-то хотелось плакать от радости, потому что она любила его с каждой минутой сильнее.

Когда они сошли с электрички и пошли по дорожке к поселку, им встретились соседи слева – Настя с мужем. Она работала в депо на станции, он – охранником в Москве, жена провожала его на смену.

– Галь, там твоя мама приехала, – многозначительно сказала Настя.

Муж понимающе хмыкнул.

– Да? – растерялась Галя и даже забыла поблагодарить за информацию.

Настя бросила любопытный взгляд на Толика, и парочка отправилась дальше.

Галя с Толиком тревожно переглянулись. Мама сегодня сажала гостей на обратный поезд, и ничто не предвещало, что она рванет в воскресенье на дачу. Когда они созванивались вчера, мама об этом даже не заикнулась.

– Пойдем, познакомимся? – нерешительно спросила она.

Галя видела, как он напрягся, в глазах его что-то погасло.

– Ладно, давай лучше завтра, – отступила Галя. – Приходи тогда вечером.

Он уныло кивнул. Эту ночь у них отняли, и вообще, обоих охватила тревога.

На перекрестке они расстались: оторвали взгляд друг от друга, разлучили руки.

– Привет!

Голос у мамы был неестественно веселым. Галя тут же поняла: она знает про Толика. Но откуда?

Они обнялись.

– Где была? – все так же весело продолжала мама. – У меня же ключа нет! Я тут уже час в саду сижу, волноваться начала.

– В монастырь ездила. Я же не знала...

Галя торопливо отперла дверь.

– Одна? – небрежно спросила мама.

– Мам, а тебе же на работу завтра! – «не услышала» вопроса Галя. – Ты вроде не собиралась...

– Взяла за свой счет до среды. Ты же понимаешь: я даже не отдохнула.

– Давай я тебе разогрею, – предложила Галя.

Она загремела сковородками. Мама разобрала сумки, умылась и принялась помогать накрывать на стол.

– Ого, у тебя мясное рагу? Это ты когда научилась готовить?

– Да так... подружка рецепт дала.

Допрос, как поняла Галя, откладывался. Спасибо, что скандалить сразу не стала. Впрочем, она сама на себя удивлялась, как мало ее это сейчас волнует. Куда хуже было то, что Толик ушел, и они проведут эту ночь порознь... и завтра, и послезавтра...

Ее словно отделяла теперь от других – даже от самых родных – непреодолимая пропасть. Все они сейчас растворялись в тумане, их слова, действия – все это ее почти не достигало.

С мамой у нее отношения были доверительными, даже подростковый возраст их не испортил. Ссоры происходили в основном на тему «надень шапку» или «ложись спать, не ломай глаза», если она читала допоздна. Мнение мамы по всем жизненным вопросам было самым важным. Вот сказала она, что Димка – вертихвост, и у Гали словно отрезало. Но теперь...

Теперь мама казалась такой чужой... хорошо, если не превратится во врага. Галя знала: она не поймет, она собирается помешать. Вот только ничего у нее не получится.

– Тут говорят, что ты вроде как встречаешься с этим странным мальчиком... внуком той неприятной бабки, – выдала, наконец, мать.

Галю передернуло – она говорила с этакой улыбочкой, тоненьким голосом: хи-хи, мол, ну я-то знаю, что это чепуха, такого не может быть. Примерно так классная руководительница изобличала курильщиков: мне сказали, что кто-то из вас курил за углом... но я-то, конечно, не верю...

– Да, и что? – вызывающе вскинулась Галя. – Ты поэтому прилетела?

– А почему я узнаю об этом от чужих людей?

– Потому что по телефону о таком не рассказывают.

– А ты собиралась рассказать?

– Конечно.

– Я папе не говорила, хотела сначала сама спросить. Но... ты же понимаешь... – мама уже не притворялась. – Он же совсем не пара тебе. И эта странная бабка...

– Нормальная она! Надеюсь, ты не веришь во всякую чушь?

– Нет, но... – не слишком уверенно начала мама.

– Между прочим, – разгорячилась Галя, – это у нее я ночевала, когда ты ключи увезла. Она добрая, просто нелюдимый характер. А люди – жестокие дураки.

– Но ты могла пойти к тете Вале! Я ей запасные ключи оставляла на зиму, ты что, забыла?

Галя непонимающе смотрела: а ведь правда, и как это она не вспомнила... Зато ясно теперь, кто доложил матери. У кудрявой Вали был их московский номер: мало ли что.

Не дожидаясь ответа, мать продолжила:

– Дело ведь не в бабке этой...

– Ее зовут Нина Егорьевна!

– Да, но... этот парень... он такой взрослый... опытный. Ты понимаешь, о чем я? Что между вами...

– Ничего, – быстро сказала Галя. – Ничего такого. Ты что, мне не веришь?

– Верю, конечно, но ты еще такая наивная.

– Не наивная я! И ты это знаешь. Никто меня не обманет, – твердо сказала она.

Судя по всему, их совместные ночевки остались незамеченными, иначе разговор был бы явно другим. Вообще-то лучше вернуться на мирные рельсы, иначе мама может все усложнить.

– Я вас познакомлю, и ты поймешь, что он другой совсем, – примирительным тоном сказала Галя. – Какой он взрослый, всего на год старше.

– Он где-то учился?

– Учится еще, – быстро соврала она. – Он после десятилетки, между прочим. В техникуме, на вечернем. И работает.

– До сих пор в техникуме? Там же после десятого всего два года...

– Так он сперва в армию ходил.

Она намеренно переставила последовательность событий.

– А как же отсрочка?

– Не захотел, решил пойти.

– Но все равно... что между вами общего? Вам же с ним, небось, не о чем разговаривать! Ты у меня такая умничка, в шесть лет в школу пошла, с медалью закончила...

– Ох, ну чепуха какая-то. Причем тут учеба. Есть нам о чем разговаривать! И вообще... можно подумать, много вы с папой разговариваете. Только о зарплате да об уборке.

– Это неважно. Люди должны быть одного уровня развития.

– А ты что, знаешь его уровень?

– Что касается уровня, – жестко сказала мама. – В среду уезжаем вместе, звонила...

– Я никуда не поеду, я могу еще весь сентябрь здесь! – закричала Галя.

– Нет, поедешь. Звонили из института, твой дипломный руководитель. Сказала, что у тебя должно быть готово восемьдесят процентов материала, и что она должна посмотреть. У тебя, кстати, сколько готово?

– Это мое личное дело, я за него отвечаю сама! С каких пор ты меня контролируешь? Ты мне даже дневник забывала подписывать, а теперь...

– Так, Галя, послушай. Если ты скажешь сейчас, что тебе плевать на диплом, и ты останешься здесь навсегда продавщицей в продмаге, вот тогда я по-настоящему испугаюсь.

Галя отвернулась к окну.

– Не скажу, – уныло ответила она. – Но это не значит, что...

Она поморщилась и не договорила.

– И вообще, если это у вас настоящее, то разлука вам не преграда. До Москвы полтора часа, надо будет, доедет. И, кстати, отец тоже имеет право его увидеть.

Что ж, подумала Галя, это хотя бы что-то. По крайней мере, им не будут мешать встречаться. Остальное уже не их, извините, дело.

Она гадала, придет ли с утра Нина Егорьевна, но та не пришла, видимо, внук предупредил. Хотя, может, и зря, лучше бы они с мамой хоть немного пообщались. К семи часам вечера Галя переместилась с книжками в сад – «заниматься на воздухе». Погода была уже не такой теплой, чтобы долго сидеть на улице, и она накинула куртку. Ее задачей было встретить Толика первой, до того, как мать вцепится в него с расспросами.

Галя буквально угадала его в сумерках за перекрестком и торопливо вышла навстречу.

– Привет, – негромко сказал он, словно их могли подслушать. – Пойдем?

– А? Нет... куда? Надо с мамой тебя познакомить.

Толик замялся.

– Не хочешь? – резко спросила Галя.

– Хорошо, – ответил он невесело, словно предвидя, что на самом деле ничего хорошего из этого не выйдет.

Галя это тоже предвидела, она была уверена, что предубеждения насчет бабки – спасибо кудрявой! – сильно повлияли на мать. А еще будет очередной допрос про образование. Большая семейная тема: как же, они же все из себя такие интеллигентные! То же мне, небожители... И еще кое-что, хоть и за кадром: иногородний претендент на московскую невесту. Этого никто вслух не скажет, но опасение для мамы типичное. Хотя, извините, сама-то она откуда? Не из этого ли поселка?

– Только скажи, что учишься в техникуме, на вечернем, – быстро инструктировала она, пока они шли обратно.

– Зачем? – Толик нахмурился.

– Не понимаешь, что ли?

– Понимаю, – еще мрачнее ответил он.

– Это чепуха, но моя мама любит, чтобы все вокруг учились, – попыталась снизить накал Галя. – Ты ведь все равно собираешься восстановиться, да?

– В моем технаре нет вечернего.

– На дневной можно.

– А на какие шиши? – Толик остановился. – На бабкину пенсию?

– Ну... это же год всего... Стипендия какая-то... – растерялась Галя.

Из калитки уже выходила мама, явно опасаясь, что Галя уйдет, не отметившись. Увидев их, посторонилась, уводя со всеобщего обозрения во двор.

– Мама, это Толя, я тебе говорила.

– Очень приятно. Ирина Михайловна.

Толик неловко кивнул.

Они прошли в дом, и мама, как и предвиделось, принялась отрабатывать свою программу. Ей, должно быть, казалось, что она ловко выуживает информацию, ведя непринужденный разговор, но Галя видела каждую ее уловку, и Толик, конечно, тоже. Стараясь не подвести Галю, отвечал напряженно и односложно, и духом явно упал.

Вот ведь, будь он весельчаком с открытой улыбкой, мать спокойненько простила бы ему десять классов, и был бы он «зато настоящий мужик, золотые руки», как, например, муж мамин сестры, выходец из куда большей глубинки. Но Толик так не умел. А то, что так трогало в нем Галю, маму явно пугало.

Наконец, Гале удалось вырвать его из цепких маминых ручек, и они с Толиком отправились «погулять перед сном».

Они дошли до конца улицы к пруду и ушли на поле, подальше от жестокой цивилизации.

Тут Галя сообщила ему новость, не прибавившую Толику настроения.

– Мама хочет, чтобы я ехала в среду, но я не поеду, – торопливо оправдывалась она. – К руководительнице надо в пятницу, значит, можно в четверг вечером.

– А во сколько она уезжает? – раскрыл, наконец, рот Толик.

– Вечером, – с досадой сказала Галя, понимая, что его выходной в среду они потеряли. –

Но я тебя в четверг с работы дождусь, и ты меня на электричку посадишь, да?

– Да, – коротко ответил он.

– Я в субботу вернусь... Или даже в пятницу.

– Если тебя отпустят.

– Куда они денутся...

Галя видела, что он сильно подавлен, и не знала, как вывести его из этого состояния.

– Толя... – она повернулась к нему лицом, обвила его шею руками и прошептала:

– Я люблю тебя... так сильно, что... иногда мне кажется, что не хватает воздуха... где-то вот здесь болит... А ты... скажи... ты тоже так чувствуешь?

Они уже признавались друг другу в любви во время ночных ласк, первый эти слова прошептал Толик, словно не ей даже, а просто – сообщение мирозданию, самому себе... «люблю... как же я люблю».

Он захватил ее в свою куртку, крепко прижал, словно удерживая, чтобы не сбежала.

– Как она за тебя боится... – прошептал он куда-то ей в волосы.

– Что? Нет! Да нет же, она успокоится, вот увидишь...

– Нет, она права...

– Как это? – Галя недоуменно отстранилась от него.

– Я себя сам иногда боюсь.

– Прекрати! – она стукнула его кулаком в грудь, потом прижалась лицом к его свитеру, вдыхая его, Толика, запах, и желая дышать им вечно.

В ответ он поднял ее лицо и принялся целовать – так страстно, как, казалось, никогда раньше не целовал.

Когда она, наконец, распрощалась с ним у калитки, лицо у нее так горело, что смотреть на маму она не могла.

Конечно же, был скандал, но она настояла на своем: поедет одна. Толик обещал поменяться сменами, так что хотя бы четверг они проведут вместе.

– Ты что мне, не доверяешь? – орала Галя. – Ты меня контролировать будешь? Считаешь, что я без тебя тут пушусь во все тяжкие? Тогда опоздала малость...

– Тебе – доверяю! – кричала в ответ мама. – Но не ему... Пусти лису в огород!

– Да ты знаешь хоть... да он... он до меня пальцем не дотрагивается! А ты его оскорбляешь! Чем он заслужил, скажи, ну чем? Только тем, что твоя тетя Валя – дура?

Мама в итоге отступила, решив не перегибать, и зашла с другой стороны.

– Галечка, я все понимаю, вы хотите побыть вдвоем... – ласково начала она, обняла и прижала к себе дочь. – Я что, молодой не была? Просто я твоя мать, я же волнуюсь за тебя... Конечно, я знаю, что ты не совершишь ошибок...

– Караулить без толку, захочу совершить, найду время, – Галю коробили эти воспитательские приемчики, и она вывернулась из объятий.

– Галя!

– Ладно, мам, успокойся, – устало сказала она. – Все будет в порядке. Кто меня обидит, тот... ну ты знаешь.

Это была их домашняя присказка. Папа очень гордился, что дочь умеет за себя постоять.

Во вторник Толик пришел к ним не поздно, отпросился с работы пораньше. Мама сменила тактику и старалась обращаться к нему поприветливее, и он тоже был очень вежлив.

– Вот, бабушка передала, – он притащил ведро яблок.

– Какие красивые! – всплеснула руками мама. – У нас таких нет.

– Да, этот сорт только у нас растет.

В маминых глазах мелькнула опаска. Галя не знала, смеяться ей или злиться: мать, похоже, вспомнила сказку о колдунье и отравленных яблочках.

– С собой столько не утащу... Вот бы варенье... Когда же мне столько переработать?

– А мы сейчас почистим, – предложила Галя.

Они с Толиком устроились на кухне и быстренько перечистили все яблоки. Мама одновременно стерилизовала банки и развлекала их разговорами про Галиных московских подружек. Полина, одноклассница, выходила через месяц замуж и забегала передать приглашение. Тема была интересная, где она взяла платье, в прокат или сшили, а какие туфли, кто приглашен и как будут отмечать... Галя уже начала мечтать, как они с Толиком вместе придут на свадьбу, и она всем покажет, какой у нее парень – девчонки будут впечатлены. Но, наверное, у него нет приличного костюма. Ничего, что-нибудь придумают.

Мама осталась варить, а они еще немножко постояли в темноте сада, но чувствовали себя под колпаком и не могли расслабиться. Договорились, что Толик и завтра попробует уйти с работы пораньше, и они проводят маму на электричку – это произведет на нее хорошее впечатление.

Но, мастер, увы, задержал его, и, когда Толик принесся с работы, Галя уже вернулась со станции и ждала его дома.

Мама на прощание еще раз попросила ее быть осторожной. Галя, в предчувствии вечера с Толиком, была настроена благостно, оставила оскорбленный тон и очень искренне обещала. Обратно она почти летела.

Наконец-то они снова остались одни! Они никак не могли утолить накопленной жажды объятий и поцелуев, словно разлучались на годы. Потом на них почему-то напал смех, что ни скажи – они хохотали над каждым словом. А потом что-то пошло не так. Толик снова стал подавленным и молчаливым, а когда Галя принялась стелить, встал у окна и уставился на неприятно разбухшую луну.

– Бабка моя хочет, чтобы я на тебе женился, – неожиданно сказал он, не оборачиваясь.

– Да? – замерла она.

Что-то в его интонациях было не то, что-то не так. Бабка хочет, а он, значит, нет... или он имеет в виду... или – что?

– Она считает, что ты для меня – путевка в нормальную жизнь, – как-то бесцветно произнес он.

Камень лег ей на сердце – она еще не могла понять, в чем дело. Только знала, что происходит что-то плохое.

– Зачем ты мне это говоришь?

Толик молчал. И не смотрел на нее.

– А *ты* что считаешь? – с горечью спросила она.

– Что я для тебя – путь в не-нормальную.

– Глупость какая!

– А ты спроси свою маму.

Галя не нашлась, что ответить.

– Ладно. Я пошел. Спокойной ночи, – неожиданно сказал он и действительно направился к дверям.

– Подожди! – испугалась она.

Он остановился, но не обернулся.

- Ты что? – в отчаянии закричала она. – Забыл? Я завтра уезжаю.
- Как это можно забыть.
- И... что?

Толик повернулся к ней. Взгляд у него был опустошенным, словно ему просто хотелось быстрее уйти.

- Ты... не останешься?
- Нет.
- Почему?!
- Не могу.
- Почему...
- Не понимаешь?

Галя растерянно молчала. Она понимала, но (плевать на обещания маме, дело не в них), – не готова была... не могла вот так... хотя она и допустила и так слишком много, а все-таки... Никакие Наташки и «СПИД-инфо» не могли пересилить записанного где-то на корочку: так нельзя, нельзя до... ну пусть не свадьбы, но ведь пока еще не понятно, что и как... Ей с детства внушалось: вступать в связь вне брака – потерять уважение к себе. Вот же Полинка – выходит замуж, в белом платье, а она что, вот так просто... чем же она хуже... Бабушка его, видишь ли, хочет, а он? Он ведь так и не ответил.

А Толик всем своим видом демонстрировал: я понял, какого мнения обо мне твоя мама, и не буду оправдывать ее подозрения.

- Во сколько завтра придешь? – спросила она вместо ответа.
- Когда разрешишь.

– Знаешь что. Приезжай в выходные сам в Москву... Папа вернется из санатория. Они увидят, что ты не прячешься... Ну, чтобы они не думали, что...

- Что я тебя соблазню и брошу?

В его интонации вернулась уже забытая злая насмешка, почти издевка – то ли над ней, то ли над самим собой.

- Прекрати, – поморщилась она. – Придешь в субботу, переночуешь у нас, погуляем.
- Ага, то-то твои обрадуются.
- Они ничего не скажут. Они со мною считаются.
- С тобой все считаются, – он снова недобро усмехнулся.
- Слушай, я не понимаю... Ты не хочешь, что ли? Тогда на фиг я уговариваю.
- Я хочу, – с горькой гримасой сказал он. – Сказать, чего?
- Не надо, – отрезала она. – Если это все, чего ты хочешь.
- Почему же «всё», – снова скривился он. – Я же сказал... пропуск в другую жизнь, ага. И он снова повернулся к двери.
- Мы разве договорили?
- Завтра договорим, ладно? Я... устал.

Он сделал шаг к дверям, но потом резко вернулся, обхватил ее обеими руками, больно впился губами в губы. Это был странный, жестокий поцелуй. На секунду ей показалось, что Толик себя не контролирует, и она испугалась. Почувствовав, он тут же ее отпустил, а в его взгляде появилось столько боли, что она вдруг не выдержала.

- Хорошо, – прошептала она. – Оставайся.
- Что? – еле слышно произнес он.
- Пойдем... Я тоже... тоже хочу...

Она потянула его за руку обратно в комнату, и в какую-то секунду в глазах у него зажглась безумная надежда. Но тут же потухла.

- Ну что же ты? – ей вдруг показалось, что он сейчас заплачет.

Он выдернул руку, развернулся и быстрым шагом ушел, хлопнув дверью.

Она так и не поняла, во сколько он придет. Выглядывала его ночью из окон, но в саду его не было – он ее больше не охранял. На сердце лежала тяжесть, но она знала, что дождется его с утра, и они все выяснят.

Галя приготовила ему завтрак, потом, не дождавшись, кое-как поела сама без всякого аппетита. Толика все не было. Может, бабка задержала его по хозяйству? Он на нее обиделся, но за что? Галя выстраивала сложные схемы, пытаясь представить, что творится у него в голове. И решила, что его оскорбило ее предложение – вроде как она, как и мать, считает, что он хочет от нее лишь одного.

Но ей было обидно и больно: неужели ему не дороги эти упущенные минуты, которые они могли провести вдвоем? А вместо этого она сидит сейчас одна, мерзнет в нетопленной комнате (никто об этом даже не вспомнил вчера). От нечего делать она растопила печку. Дымок явно показывал, что она дома и ждет. Но никто не приходил.

Галя начала потихоньку собираться. Сложила в папку бумаги, кое-какие летние вещи. Сумка получилась тяжелой. Ну не может ведь он не посадить ее на электричку?

К обеду она вдруг поняла: что-то случилось. Что-то страшное, а она не знает. Плевать на гордость, надо срочно бежать узнавать. Она пулей вылетела из дома и понеслась вниз по улице. Во дворе бабкиного дома было тихо. Гале стало страшновато, но она резко потянула на себя калитку, быстро поднялась на крыльцо и постучала.

Тишина.

Спустилась и аккуратно постучала в окно. Потом сильнее. Потом забарабанила во всю силу, как только стекло не разбила.

Дверь за ее спиной бесшумно раскрылась, Галя боковым зрением увидела тень. На крыльце стояла Нина Егорьевна, ее губы по-старчески жевали, глаза смотрели без всякого выражения. Гале вдруг пришла в голову дикая мысль: бабка давно умерла и ходит уже мертвая.

Она пересилила себя и подошла.

– Нина Егорьевна! Где Толя? Он... он обещал проводить меня на станцию.

– Нет его, – без всякого выражения сказала бабка. – Не жди.

– А... где он?

– Запил. Вчера ночью не пришел. С утра явился пьяный и снова утопал куда-то.

Она говорила словно автомат, вот наделили автомат голосом, он и вещает.

– То есть как... он разве пьет? – залепетала Галя.

– Пьет, пьет. А как же не пьет. Ты езжай себе. Иди, давай, давай... – бабка двинулась на нее, чуть не уронив, недвусмысленно подталкивая ее к калитке.

Галя невольно попятилась и не успела моргнуть, как оказалась на улице. Она ничего не понимала. Толик запил? Он же говорил, что ненавидит за это отца, отчима. Что никогда не станет пить... Но как еще объяснить его отсутствие? Да и зачем бабке врать, раз она так мечтала, что они поженятся? Неужели, правда? Мать бы сказала: «генетика»...

Галя не помнила, как очутилась дома, продолжила сборы, как досидела до вечера. Она не могла уехать раньше, она все еще ждала его. Однако если не успеть на восьмичасовую, ехать придется ночью. Утром она должна быть в институте.

Она решительно ополовинила содержимое сумки, взяла с собой только самое необходимое и диплом. И двинулась на станцию.

Галя шла в темноте и давилась злыми слезами. Как он мог... как мог так поступить с ней? С чего вдруг вся эта истерика, почему вдруг? Всю ночь пил – после того, как ушел от нее. Это что, что это значит? Она готова была ради него на все, это он отказался. С чего такие

страдания? Не понравился ее маме? Так он сам ничего не сделал, чтобы понравиться, Галя боролась за это одна!

В электричке народа было мало, ходили торговцы, из вагона в вагон перебиралась всякая шушера. Она села, как обещала маме, туда, где побольше людей, постаралась высушить слезы. Домой надо приехать в нормальном виде. Если родители увидят, что она плакала из-за Толика, отношение к нему не улучшится.

Она показала руководительнице свои жалкие пятьдесят процентов и клятвенно пообещала, что через неделю диплом будет готов на все сто. В выходные, разумеется, на дачу она не поехала, объяснив маме, что Толик работает.

Прибегать к нему первой, вот я, приехала, все простила? Ну уж нет. По ее твердому убеждению он должен был позвонить с извинениями, и извинения эти должны быть очень убедительными и многократными.

Но он не позвонил вообще. Она точно знала, что он помнит ее номер – несколько раз при ней повторял наизусть. Волновалась, что с ним: вдруг что случилось по пьянке... Вернулся ли он вообще домой? В понедельник Галя была готова позвонить сама и спросить строгим голосом, все ли в порядке, а потом гордо положить трубку. Но звонить ему было некуда.

Всю неделю она изводилась, врала что-то маме, но та догадалась, что между ними неладно, и явно не расстроилась. Маму волновало только одно, и Гале даже захотелось назло ей сказать, что они переспали. Но она понимала, что это чревато, и поэтому всячески усыпляла родительскую бдительность показной веселостью.

Она ездила в институт, общалась с подружками, обсуждала с Полинкой предстоящую свадьбу, что-то делала и говорила. При этом она никого не видела и не чувствовала, ей было все равно, что происходит здесь. Но она не понимала, что происходит и там, что вообще происходит. От нестерпимой обиды и оскорбления ее бросало в страх: Толика избили, убили, спаивают где-то в трущобах... Но главное, она чувствовала, что не сможет жить без него. Ей нужно было видеть его глаза, усмешку, знать, что он существует, что к нему можно прикоснуться. Надо было верить, что он снова будет обнимать и целовать ее, как раньше.

Нужен был любой предлог, чтобы поехать туда и все узнать, но она не находила. Предлог для всех – для мамы, для Толика, для самой себя.

В следующую пятницу она вернулась после встречи с преподавательницей. Та раскритиковала ее плакаты, велела исправить прибыль, мол, коэффициент рентабельности не дотягивает. Это означало пересчитать все, начиная с первых страниц второй части. На обратном пути ей наступил на ногу толстый громила, а вечером мама как будто между прочим сказала:

– На дачу ведь в эту субботу не едем, да? Надо встретить папу в воскресенье, убрать, что-нибудь приготовить.

А Галя вдруг ощутила дикую безысходность. Она поняла, что жизнь ее кончена. Молча прошла в свою комнату, села на стул и уставилась в пустоту. Мама зашла следом, продолжая что-то говорить, потом бросила на нее взгляд и испугалась:

– Что с тобой? Ты чего, Галечка?

И тут она разрыдалась. Это была настоящая истерика, она закатывалась так, что едва могла снова вдохнуть.

Мама ее чем-то отпаивала, потом, когда чуть отлегло, Галя, заикаясь – слезы все равно не заканчивались, сами лились из глаз, – рассказала маме, что они поругались. Мама поняла все по-своему: Толик настаивал, девушка отказала, он разозлился. Галя не могла объяснить ей, что все наоборот.

– Нет... просто... я не знаю, что с ним случилось. Он... обиделся... Все из-за тебя! Он понял, что ты против, и...

Она рассказала про визит к бабке.

– Так он еще и пьет? – предсказуемо всполошилась мама.

– Не пьет он... я не знаю... ты понимаешь, не знаю! Я должна узнать, иначе умру!

– С ума сошла! Из-за кого... – качала головой мама. – Господи, ну надо же так... как будто действительно....

– Что – действительно? – заорала Галя. – Ты опять? Ты понимаешь, что я не могу... Если с ним что...

– Ладно, – вдруг решительно сказала мама. – Поедем и все узнаем.

– Как?! Я не смогу туда прийти, меня уже выгнала бабка!

– Сама схожу, – твердо сказала мама.

Они поехали в субботу утром, вечером надо было возвращаться назад. Галя жила теперь одной надеждой. Они приедут, она встретит его, или он сам придет, и все разъяснится. Спасибо маме, что они поехали... Теперь с ней, конечно, станет еще сложнее, но кому еще было довериться, кто бы смог так помочь? Тем более, хуже, чем сейчас, все равно не будет.

Увидев их в окошко, словно караулила, выскочила кудрявая Валентина. Галя нырнула за калитку, а мать осталась поговорить. Галя с тревогой ждала. Но ведь если с Толиком что, не дай Бог, вся улица знала бы... Мама вскоре вернулась.

– Ну что? – с нетерпением спросила Галя.

– Я спросила ее про Толика, не заходил ли, пока нас не было. Говорит, бабка бегает туда-сюда по улице, с коровой и обратно, а его на этой неделе не видела.

Значит, живой, решила Галя. Если что, бабка бы померла. Как и она сама. Они немного разобрались в доме, и мама собралась идти к Нине Егорьевне.

– Скажу спасибо за яблоки, – придумала она. – Ну а дальше по обстановке.

Вернулась мама довольно быстро.

– На порог меня не пустили, – доложила она, – но бабка, хоть и не в духе, разговаривала нормально.

– И что, что сказала?

– Я ей так намекнула, мол, дети дружили, не знаете, что произошло, от Гали, мол, ничего не добьешься. А она так: не знаю, ну, молодость, видимо, не срослось...

– А где он?

– Да, ну я и говорю, может, он хотя бы сам ей скажет? А она злая такая сразу стала и на «ты» со мной перешла, закудаhtала: думаешь, прячу его... захотел, объявился бы, значит, не хочет. Только и добилась, что здесь его нет. Говорит, уехал к отцу.

– Как – к отцу? Отец же их бросил...

– Не знаю, говорит, оставил меня тут одну куковать.

– Может, врет?

– Не похоже. Видно, что ей, и правда, тоскливо.

– Ясно.

Галя вышла во двор, потом за калитку, потом пошла куда-то, она не знала, куда, пока не дошла до поля, до кустов, у которых они целовались, потом повернулась, пошла обратно. На сердце, в голове было пусто.

Когда она вернулась, с удивлением обнаружила в доме тетю Валю – раньше она никогда к ним не заходила.

Мама что-то искала, вытаскивая белье и общаривая полки в платяном шкафу. Уж не решила ли она, что Толик их ограбил?

– Галя, детка, скажи, сколько раз она здесь была? – сердобольно запела соседка.

– Кто? – не врубилась Галя.

– Да ведьма же, бабка!

Галя непонимающе смотрела на нее.

– Как это может хоть выглядеть? – мама вылезла из шкафа, лицо у нее было красным.

– Ищи комки или шарики, словно ватные, вообще все, что непонятно откуда взялось, – инструктировала кудрявая.

– Вы спятили? – Галя уставилась на маму. – Мам, у тебя высшее образование, ты с ума сошла?

– Галя! – мать заломила руки. – Я никогда тебя не видела... ты себя со стороны... Любовь не бывает такая, с тобой ненормальное происходит!

– Да приворожили девчонку, сволочи! – в сердцах сказала тетя Валя. – Весь поселок видел, да что поделаешь? Веселая была девочка, красавица наша, а ходит с бирюком этим и глаз с него не сводит...

– Ничего, что я здесь? – ледяным голосом спросила Галя.

– А парню-то жениться и не охота. Это все бабкина затея была, пристроить его получше. Что угодно сделает ради внука своего, вон в том году батю моего чуть не прибила, когда он Толика отругал за мотоцикл евойный. А девчонку-то зачем искалечили, уж не трогал бы ее тогда, раз не нужна...

Мама была слишком вежливой, но и её эта речь явно покорибила.

– А ну пошла вон, – тихо сказала Галя. И повторила громче:

– Вон, я сказала!

Та даже не обиделась, только понимающие закатили глаза: мол, ну вот, что я говорила?

– Галя! – воскликнула мать.

– Ничего, ничего, я пойду... Ну, вы меня поняли, да? – многозначительный взгляд на маму. – Как найдёте что, позвоните, скажу, что делать.

Она ушла, а мать виновато уставилась на Гаю.

– Поехали домой, – сказала Галя. – Я больше никогда сюда не приеду. Никогда.

Но слова этой глупой курицы запали ей в голову. Значит, тут все знали, что бабка мечтает пристроить внука получше... Да он и сам так сказал, не захотел врать. Если бабка что-то и сделала, Толик мог и не знать.

Галя действительно чувствовала: с ней происходит ужасное. Она проезжала станции метро, впадала в ступор, не слышала, что ей говорят. Папа и тот заметил, что с ней что-то не так, хотя ему ничего не рассказывали.

Чтобы мама не приставала, Галя старалась делать вид, что успокоилась. Но она не могла успокоиться. Не могла забыть Толика. Думала о нем постоянно, и с каждым днем ей становилось все хуже. Она вспомнила, как поучала подружку: как можно любить того, кто тебя предал? Да если он мог так поступить, значит, он не тот, кого ты любила... ты его просто не знала... не станешь ведь ты любить постороннего и недостойного...

Какое же это было детство!

Ей казалось, она поняла его... Он ведь любил ее, это она знала точно. Любил и убивал себя – из-за нее. Нарочно опускался все ниже, считая себя не ровней. Бабкины слова про «путевку в жизнь» только этому поспособствовали.

Дурак, дурак, она бы ему объяснила, с нею он смог бы, вылез бы из своего болота! А он взял и сдался. И она тоже... зря она так давила, уговаривала учиться. Пусть бы работал, обеспечивал семью. Надо было доказать ему его ценность, не допускать унижительных допросов... Он ведь нужен ей таким, какой есть. Она успокоила бы его самолюбие, уняла бы его боль...

Она попыталась представить себе его здесь, в Москве, и поняла: не успокоила бы, а, возможно, с каждым днем ранила бы еще больше. Ну и ладно... остались бы жить там, в его мире... Нашлась бы и там ей работа... не обязательно же в продмаг...

Она притворилась больной и не пошла на свадьбу – не могла видеть чужое счастье. Не желала знакомиться со всеми этими мальчиками из Бауманки, обещанными ей Полинкой...

Зарылась в дипломную работу – хоть чем-то занять мозги. К тому же, обложившись бумажками, можно было сказать докапывающимся родителям: я занимаюсь.

Парень, Вадим, который в институте смотрел ей в глаза, а после женился, к защите диплома вдруг взял да развёлся и, оставив нерешительность в холостом прошлом, недвусмысленно намекал ей, что всегда был влюблен в нее. Они часто встречались у общего дипломного руководителя, пару раз он проводил ее до дома. Галя не возражала, она пользовалась любой возможностью перестать думать о Толике – вдруг поможет, клин клином и тому подобное. Она честно старалась забыть его, понимала, что никогда больше его не увидит.

После последней консультации накануне диплома Вадим, проводив ее, зашел вместе с нею в подъезд, остановил, взял за руку и развернул к себе лицом. Галя обреченно ждала. Он наклонился и поцеловал ее, сразу взасос, она претерпела это, не почувствовав ничего, кроме отторжения, ощутив этот поцелуй, как надругательство. Вадим прошептал, что мечтает о ней с первого курса. Она пообещала, что его мечта может сбыться на вечеринке после защиты.

Защитилась она на «отлично», так уж она была устроена. Хотя ей ничего в этой жизни больше не хотелось, делать свое дело некачественно она не умела. Однокурсники организовали грандиозную пьянку у одной семейной пары в поселке городского типа недалеко от Москвы.

Галя предупредила родителей, что вечеринка будет с ночевкой. Взяла ключи и рванула на дачу в Обозлово. Она ехала в электричке, словно в бреду. Иногда представляла себе Вадима, его лицо, когда он поймет, что его продали. Этот поцелуй стал лакмусовой бумажкой, ясно показавшей ей, что происходит. Она просто физически не может терпеть чьи-либо прикосновения. Только Толик, один Толик, никого кроме Толика. То есть – никого вообще. Потому что она понимала, что он-то как раз, возможно, в этот самый момент предаст ее, утешается с кем-то, пытается ее забыть. Что они никогда не увидятся, а если и увидятся, все будет только хуже. Но даже это понимание уже не могло выпустить ее на свободу. А значит, у нее есть только один шанс.

Был конец октября, она шла со станции в темноте, под ногами шуршали опавшие листья. Все тот же запах осени, только уже настоящей. Ее душу кромсали эти запахи, этот воздух, эта дорожка, заборы – одно сплошное нестерпимое воспоминание.

На дачу она даже не завернула, сразу оказалась возле бабкиного дома. Калитка была не заперта. За плотными шторами слабо горел свет, и Галя принялась стучать в окно.

На этот раз Нина Егорьевна выглядела испуганной:

– Ты?

Она несколько секунд всматривалась в нее, пытаясь понять.

– Пропустите меня, – резко сказала Галя.

Она знала, что все равно войдет, поэтому Нина Егорьевна послушно посторонилась. Галя оказалась в той самой кухне. Она оглянулась на бабуку, и ей бросилось в глаза, как та постарела. А чему удивляться-то... И у нее тоже утерян смысл жизни.

– Его нет, – вымученно сказала бабука. – Так ни разу и не показался с тех пор. Матери звонила, она не знает, где он.

– А он мне не нужен, – холодно сказала Галя. – Я к вам.

Бабука неловко пожала плечами. Притворяется, что ей невдомек, подумала Галя.

– Я понимаю, – продолжала она. – Вы хотели как лучше. Но теперь вам это уже не нужно, верно? Снимите с меня приворот. Я не могу так жить. Я хочу, как все: любить, выйти замуж. Я что, нанималась вам любить вашего Толика! – взвизгнула она.

У Нины Егорьевны как-то странно, медленно искажалось лицо, сначала сморщился лоб, потом задергались щеки, длинный нос сблизился с губами. Галя не сразу поняла, что та молчаливо рыдает.

– То есть мне вас еще пожалеть, что ли? – жестко сказала она.

На самом деле, запал у нее уже кончился. И бабуку действительно стало вдруг жалко. Вот только стало страшно, что она не согласится, или, чего хуже, уже не сможет...

– Я, между прочим, не верила... думала, вы ко мне искренне... – снова начала она. – Но мы с ним всего две недели... Не бывает так, ни с кем не бывает!

Бабука некоторое время смотрела на нее, собираясь что-то сказать, но передумала, встала и ушла в другую комнату, а потом вернулась с иконой – Богородица держит младенца. Такая старенькая икона: бумажная картинка, наклеенная на деревяшку, не антиквариат. Надо же, ведьмы, оказывается, тоже молятся...

А та прислонила икону, чтобы не упала, к чашке, достала залепленный воском подсвечник, зажгла перед образом свечу.

– Богородица, дево, радуйся, – закричала бабука. – Благодатная, Господь с тобою...

Галя не шевелилась, боясь нарушить церемонию. Нина Егорьевна дочитала молитву, загасила свечу.

– Это все? – спросила Галя, прислушиваясь к себе: прошел ли морок?

– Да. Иди и люби, кого знаешь.

Бабука смотрела куда-то в пространство. А сердце у Гали упало. Она вдруг увидела как будто со стороны. Толика, сторожащего ее ночью в саду... Нину Егорьевну с ее помидорками...

– Вы ведь не ведьма, да? – тихо спросила она. – Ничего вы не можете, правильно?

– Могла б, прожила бы иначе, – зло усмехнулась бабука. – Когда мой ушел, я ее, Верку-то эту, думаешь, ненавидела? Да я жалела ее. Тяжелый он человек был, беспутный, жестокий. Вот и Толик, небось, в него... да и отец его... Прав он, видать, лучше тебе так. Сказал, не буду я портить ей жизнь. Я – уговаривать, а он: убью я ее когда-нибудь. Она поймет, что я ей не пара. И я убью ее. Я и испугалась...

– А мне что делать? – тоскливо сказала Галя. – Я его разлюбить не могу.

– Разлюбишь. Это тебе сейчас только кажется. Вот посмотрю на тебя через год, небось, и как звать-то забудешь. Молись за него только, как можешь. Вдруг твоя молитва до неба дойдет. Моя не доходит чего-то... Может, там меня тоже ведьмой считают... а я вот ни разу зла никому не пожелала. Если и прикрикнула на кого, отругала, то только за дело... А ему, что же, теперь мыкаться за нас за всех? Я ему раньше: вон посмотри на девчонку, или кто может из местных, хоть и гонят они на нас, а парень-то видный. Нет, говорит... Идеал у него, видишь ли, есть.

– Какой еще идеал... – автоматически спросила Галя.

– Да ты, какой же еще. А потом: не заслуживаю я её. Не могу за её счёт в люди... Вот в кого он только такой совестливый взялся! И себе жизнь испортил, и тебя расстроил... Ну

ничего, у тебя-то пройдет... Ты ночевать-то где будешь, у тебя, небось, холод собачий, дом-то месяц не топлен? Хочешь, останься, мне всё веселее...

Галя посмотрела на нее, как на безумную.

– Нет, спасибо... Если он появится... – она долго пыталась сформулировать, какое же послание ей оставить этой совестливой сволочи Толику, но не придумала ничего содержательного, – скажите ему, что он придурок.

– Скажу, скажу, – покладисто согласилась Нина Егоровна. – Пройдет у тебя...

И лицо ее снова сморщилось, как печеное яблочко: такая смешная, комичная ведьма из детского фильма, нос крючком над нижней губой, и с его кончика капают слезы.

Прошло. Не сразу, и не так, как хотелось бы. Первый год она продолжала сходить с ума, а потом снизилась острота чувства и боли, но вместе с ней снизилась острота жизни вообще.

Нет, где-то все это сидело, саднило, тянуло, но она убрала свои чувства к Толику с поверхности, запихивая их все глубже и глубже. Наверное, зря, потому что там они и засели, и вершили свою подлую работу исподтишка, стараясь не напоминать о себе.

Основным состоянием души стало холодное безразличие, а такое очень способствует карьерным успехам. После института она сама, без протекции, устроилась в банк, там ее заметили, через год подняли в зарплате и должности, еще через год банк рухнул, но бывший руководитель перетащил лучших работников за собой. Компания быстро стала преуспевающей, и Галя за три года доросла до замначальника отдела, а еще через три, когда тот пошел на повышение, заняла его должность. Купила себе иномарку с совсем небольшим пробегом и взяла в ипотеку квартиру, съехав, наконец, от родителей. Теперь мама вздыхала о том, что не дождался внуков, без благодарной публики.

Все это время единственным тоном ее общения с противоположным полом было подчеркнутое высокомерие. Взгляд, сканирующий все недостатки мужчин – физические и умственные, отметал у них всякое желание подойти к ней поближе. Когда ей исполнилось тридцать и на работе отметили юбилей, Галя вдруг опомнилась. Юность закончилась, жизнь, как это ни банально, проходит, и хочется, в конце концов, простого тепла, пусть не страстной любви, такой уже никогда не будет, но обычного, физического... и хорошо бы еще душевного. Она попробовала изменить свое поведение, но настройки в ее программе, видать, зависли, и она уже не замечала, что все невербальные знаки – мимика, жесты, взгляд – по-прежнему демонстрируют отторжение. Однажды она услышала, как за ее спиной кто-то сказал «звезда наша пошла». Голос был мужским, и это был вовсе не комплимент.

Тем летом она отправилась в подмосковный дом отдыха – заработалась, просрочила загранпаспорт, вот и решила поправить нервы в родных краях. К ее удивлению, пансионат оказался наполовину заполнен известными актерами – оказалось, в этих местах уже второй год снимается сериал. Среди них был и кумир ее юности Петр Старков – этакий симпатичный блондин, юношей он снимался в перестроечном кино. Кумир, конечно, громко сказано, но всегда ей нравился. Он был старше ее всего на пару лет и выглядел по-прежнему классно: загорелый, скуластый, подкачанный. Улыбка его была по-прежнему обаятельной, хотя и лишена прежней непосредственности – теперь он знал, насколько хорош. Играл он нынче только главные роли.

По вечерам актеры скучали, без лишнего снобизма общались с отдыхающей публикой, без усталости фотографировались со всеми желающими. Галя в этом гордо не участвовала – ген фанатизма у нее напрочь отсутствовал. Ну, или почти отсутствовал. Все-таки со Старковым она бы сфоткалась – когда еще будет похожий случай? Она даже брала с собой на прогулку «мыльницу», так, на всякий... Тем более что пару раз он ей улыбнулся – один раз в столовой,

где актеров кормили вместе со всеми, другой – в бассейне, уступая дорожку. Улыбался он, видимо, всем, но было приятно. Жизнь разнообразием не радовала, а теперь будет что вспомнить.

Воспоминаний у нее в итоге оказалось куда больше, чем планировалось. Одним вечером Старков, избавившись от стайки постоянно преследующих его девчонок, подсел к ней на скамейку. Он выпил немного вина в местном баре, но пьяным, конечно же, не был, зато был расслабленным и разговорчивым. Наговорил ей комплиментов, сказал, что давно ее заметил. Она улыбалась в ответ, и, кажется, холодом и презрением от нее в этот раз не тянуло. Ее программа неожиданно легко сменила настройки, хотя для этого имелась и объективная причина: Старков явно считал звездой себя самого, и уж точно не испытывал по её поводу комплексов.

Пококетничав с ним, Галя попрощалась и собралась уходить, но ей было предложено прогуляться, и она согласилась. Собственно, она уже поняла, куда все идет: скучающий Старков не хотел иметь дело с нимфетками, а девушка постарше с хорошим вкусом и «поговорить» – самое то. А что, подумала она, это уже становится ненормальным – в тридцать лет никакого опыта. Надо же когда-нибудь... тем более что случай сам по себе уникальный, и никакой расплаты не будет. Ни тягостных отношений потом, ни презрения к себе и партнеру... В последующее счастье она не поверила бы никогда, а здесь и не надо. Зато какво: мой первый мужчина – знаменитый Старков! С этим можно жить, как говорится. К тому же, завтра она уезжает, а значит – никакой неловкости после, а главное, унижения, когда он станет отводить при встрече глаза.

Стараясь не светиться, – он тоже все понимал, – прошли в ее номер. Все произошло довольно смешно для такого знакового события. Во-первых, потому, что они действительно все время смеялись, словно происходит что-то забавное. Он остроумно шутил, она еще остроумнее отвечала. После первого поцелуя, довольно приятного (это уже прогресс!) они в том же шутовском тоне обсудили свои ощущения. Она сказала, что его вино, судя по вкусу поцелуя, было явно дешевым, он ответил, что оно было полусухим, но теперь, благодаря ей, стало полусладким. «Почему полу-?» – спросила Галя. «Потому что остальное не здесь», – заявил он. Только спустя несколько дней до нее дошло, какое удовольствие он хотел ей доставить. А сейчас по ее реакции решил, что она против, и процесс пошел по стандартному, известному ей в теории, пути.

Актрисой сейчас была она, все это происходило не с ней и не по-настоящему, она играла очаровательную искусственную женщину, для которой все это естественно. И у нее здорово получалось – она сама на себя удивлялась.

Она с шутками уворачивалась от него, пока его ласки не стали настойчивее. Он принялся раздевать ее, продолжая целовать. И тут Галя вдруг осознала, что все это происходит на самом деле, здесь и сейчас, – с ней, а не с кем-нибудь выдуманным. Она запаниковала, захотела бежать, но усилием воли удержала себя. В конце концов, ей же делали, к примеру, гастроскопию, и она это вынесла, вот и сейчас – все, деваться уже некуда. Вдобавок она чувствовала себя разведчиком в полушаге от провала. Ясное дело, он все поймет, и, наверное, удивится. Плевать. Она не станет ничего объяснять.

Старков приостановился, чтобы раздеться самому, и тут ее страх вдруг прошел. Обнаженный, Старков казался уже не столь атлетически сложенным. Под классными джинсами оказался банальный животик, и она испытала даже какое-то умиление, что все это так не киношно, а по-домашнему, что ли. Тем более что он вел себя очень мило, совсем не звездно, смотрел на нее с восхищением. Ей стало сначала приятно, а потом пришло, наконец, желание... это было бы уже слишком, если бы не пришло. И только в самый последний момент быстренько спряталось, и дальше пришлось потерпеть... Но Старков не виноват, он ведь не мог заподозрить, что имеет дело с тридцатилетней девственницей, он очень старался быть нежным и сделать все хорошо, поэтому ей пришлось, вспомнив сцены из фильмов, изобразить страсть и вер-

шину удовольствия. Она не была уверена, что сделала это правильно, но Старков, кажется, остался довольным, некоторых нюансов не заметил, тем более что обошлось без видимых последствий. Он был не прочь еще пообщаться, но Галя отправила его спать к себе. На прощание он даже трогательно поцеловал и поблагодарил ее. Она отшутилась: пусть в титрах фильма напишут ей особую благодарность.

На другое утро она уехала еще до завтрака в отличном настроении. Во-первых, ее самооценка не пострадала: Старков, уходя, подразумевал продолжение. Разве это не лестно, все-таки он действительно знаменитость! Во-вторых, убедилась, что вокруг этого процесса слишком много шума, и она ничего особенного не потеряет, если и дальше продолжит жить без подобных радостей. А главное, теперь она с чистой совестью будет многозначительно намекать сочувствующим и любопытным, что она «не одна, просто не может назвать имя... это слишком известный человек... актер...»

И только она так успокоилась, как эта гадостная любовь к Толику внезапно зашевелилась там, в глубине, поползла на поверхность... Заставила ее тело вспомнить те ощущения, которые вызывали у нее восемь лет назад его поцелуи, прикосновения, их сладостные и мучительные ночевки. И вся ее циничная конструкция сразу же разлетелась: она знала, не могла не знать, что это могло быть совсем по-другому...

Никогда у нее больше не будет подобной любви, возможны только жалкие подделки. Ее даже замутило, когда она представила, что ласковый и знаменитый Старков пришел бы к ней снова.

Что, если это возможно лишь в юности: такое безоговорочное принятие, такое полное впускание человека в свою душу и жизнь?

Лучше бы с ней никогда этого не случилось...

Какое же счастье, что с ней это все же случилось...

Голоса из прошлого скорее пугали ее, но Наташка была не совсем из прошлого. Они были не только соседками по даче, но примерно раз в год пересекались в Москве – обычно на днях рождения.

Дачу, точнее, бабушкин дом, Галины родители продали на следующее после ее романа с Толиком лето. Галя отказывалась ездить туда наотрез, да и у мамы остался неприятный осадок. Никто не хотел встречаться на улице с соседями и, особенно, с Ниной Егоровной. Родители купили домик наполовину с отцовской сестрой на той же ветке, только поближе к Москве. Туда Галя тоже не ездила.

Наташка про Галин роман не знала – она жила среди дачников, и поселковые новости до нее не доходили. Пару раз в разговоре она даже вспоминала «ведьминого внука», мол, что-то давно его не видать. Потом она вышла замуж за англичанина и уехала с ним то ли в Кембридж, то ли в Оксфорд. И вот приехала навестить родных. Был разгар лета, и Наташка обзвонила подруг, пригласив всех на дачу.

Галя понимала, что Толика там давно нет, а если бы и был, то тем более... Возвращаться туда не хотелось, но Наташка заглянула всего на неделю, нельзя было ее обижать. Галя специально поехала через другое шоссе и съехала с него сразу к дачам, не проезжая поселок. Тем более что электричка ей была теперь не нужна.

Собралось человек двадцать народу, они хорошо посидели, пожарили шашлыки. Галя старалась не прислушиваться к воспоминаниям, но они сами лезли на нее со всех сторон – все эти яблони, флоксы, даже камушки на проселочной дороге, и, конечно же, как всегда, запахи...

– Вашу дачу совсем перестроили, – сказала Наташка. – Не хочешь посмотреть?

– Нет.

– Боишься расстроиться?

– Да.

– А помнишь тот дом на углу, там еще бабка-ведьма жила с внуком-красавчиком?

– Помню, и что?

– Его, видать, тоже кто-то купил. Обшили вагонкой, такой стал веселенький, обжитой, не то что когда бирюки эти жили.

Галя вдруг поняла, что уехать отсюда, не увидев дома Толика, своего дома, того самого перекрестка и улицы, она не сможет. А если сможет, то будет об этом жалеть.

Переночевав у Наташки, она распрощалась, завела машину, но поехала не на шоссе, а туда... Остановилась на углу дома Толика, вышла из машины, рассматривая участок. Действительно, перемены были разительны. Новые хозяева поставили крепкий забор, пристроили к дому добротную террасу вместо той, покосившейся, посадили газонную траву, сделали навес, развели сад – даже отсюда Галя видела пышные розы. А вон качельки, песочница. Невысокая, но ладно сложенная, похожая на девчонку светловолосая мать загоняла в дом кудрявого как цыганенка бутуза годиков трех-четырёх – кажется, он чем-то испачкался.

Галя подошла поближе, она хотела успеть спросить у женщины, может, она что-то знает про предыдущих хозяев, давно ли они тут живут, и кто продавал им дом. Но не успела, та уже подхватила ребенка под мышку и скрылась за дверью. Однако из сарая появился мужчина с косой в руках. Он вышел за калитку и столкнулся с Галей нос к носу.

Косу она тоже узнала – все та же, со старым почерневшим древком. А молодым счастливым отцом был Толик.

Ее потрясение отразилось в его глазах.

– Живой, – вырвалось у нее.

Глупость. Конечно, живой. И не капельки не помятый. Не спился, не валяется под забором. А она... а что же она... за что, за что?! Ее жизнь взяли и перечеркнули вот этим чужим оскорбительным счастьем. Боль и гнев переполнили ее, у Гали застучало в висках, и она рванула, как дура, в сторону старого дома, потом на ходу развернулась и полетела обратно. Прыгнула за руль, но Толик уронил косу и кинулся к ее машине, к открытому окну:

– Подожди... мне надо сказать... пожалуйста!

Он обогнул машину, перебирая руками по капоту, словно не давая уехать, и дернул на себя пассажирскую дверцу.

– Уходи. Тебя будут искать, соседи доложат.

Она сама удивилась, что способна на этот ледяной тон, видимо, он просто был отработан до автоматизма. Однако Толик замотал головой: мол, плевать, и плюхнулся рядом с ней.

Надо было прогнать его, надо, но... Не услышать, что он хочет сказать, тем более в последний – это она знала точно, – раз, она не могла. Тем более теперь, когда она снова видела его умоляющие глаза.

– Ладно, – сказала Галя.

Завела машину и поехала назад, в сторону шоссе. Съехала по проселочной дороге к заброшенному элеватору – когда-то они гуляли здесь с Толиком, прячась от посторонних глаз.

Остановилась и уставилась перед собой, вцепившись в руль. Толик молчал, и она все-таки перевела на него взгляд. Он сидел, закрывая лицо руками. А когда оторвал, уронил их, в его глазах промелькнуло все: боль, вина, восхищение – да, и оно.

Внешне он практически не изменился – молодой, красивый, возмужавший. Та же густая черная шевелюра, только стригся он теперь не так коротко. Это был тот же Толик, по которому она сходила с ума. Или не тот. Чего-то в нем не хватало, Галя не сразу поняла, чего. Что-то изменилось в его лице, или во всем облике сразу.

Она вдруг поняла: у него теперь взгляд, лицо и облик благополучного человека. Нормального, хорошего человека. Без той тревоги и неустроенности, безнадежности и цинизма, и горькой страсти – всего того, что когда-то делало Толика им самим.

– Слушай, прости, – сказала она. – Тебе лучше пойти домой. Я не знала, что ты здесь живешь. Хотела просто спросить...

– Ты еще красивее стала, – выдавил он. – И короткая стрижка тебе очень идет.

Какая гадость... он смеет... Ну да, она знала, что стала лучше, но этот комплимент только добавил боли. А ведь смотрит он на нее по-прежнему – с такой же затаенной мучительной страстью. Вот и его довольный жизнью взгляд, с которым он выходил за калитку, потемнел, как и прежде. Уж не хочет ли он сообщить, что все еще любит ее? Надо выкинуть его из машины, прежде чем он начнет говорить подобное.

– Что ты хотел мне сказать? – она без труда выдерживала его взгляд, наверное, потому, что ей хотелось его сейчас убить.

Вот же они, эти руки, о которых она так мечтала, которые могли обнимать ее все эти годы. Губы, которые целовали ее, не будем вспоминать, как и куда... проще вспомнить, куда не... Вот этот самый желанный для нее в мире мужчина, самый чужой для нее мужчина. С женой и ребенком. С любимой женой и любимым ребенком. Он растоптал ее, убил всю ее молодость, а теперь делает ей банальные комплименты.

Он тоже не отвел взгляда, хотя вина проступала в нем все яснее.

– Я... я хотел тебе... поблагодарить хотел...

– Что-о?

Она вложила в это «что» все свое презрение. Он усмехнулся, как раньше, так же невесело. Но все это уже было ложью. То самое благополучие, которое она разглядела в нем в первый момент, никуда не ушло, так, припряталось до конца разговора. Сейчас повинится и пойдет радоваться жизни дальше.

– Ты ведь меня спасла.

Она держала ледяную паузу. Она не станет помогать ему исповедоваться. А еще... его ведь действительно станут искать, значит времени у них очень мало. Пока он молчит, можно просто сидеть и думать, что он сейчас рядом, спустя столько лет. Вдыхать его запах – снова этот запах... Только в нем не было привкуса сигарет – неужели и курить тоже бросил?

Да нет, в этом нет никакого смысла. Она чувствовала, как тончают стенки сосуда, в котором все эти годы жила ее любовь... Откуда-то сквозь эти стенки проникала, разъедая их, ядовитая боль. Вот она и заполнила, отравила все в этом сосуде.

Стало невмоготу находиться с ним рядом. Она потянулась повернуть ключ: хватит. Но его рука перехватила ее руку, и она затрепетала от этого прикосновения, проклиная себя.

И вдруг поняла, что больше не способна держаться. Да и какая разница, что он подумает... По лицу потекли слезы, он испугался, сжал ее руку сильнее, лицо его исказилось.

– Я тряслась за тебя... все эти годы... боялась, что ты сопьешься... Твоя бабка велела мне молиться за тебя, и я молилась, каждый день. Я рада, что у тебя все хорошо. Правда... рада.

На самом деле, рада... должна быть рада... Ну, право же, легче ей, что ли, было бы, стань он, как она боялась, бомжом или пьяницей.

– Не пил я никогда. Ни до того раза, ни после. Даже пиво в рот не беру, чтобы не рисковать. Ненавижу это с детства, отец, отчим... Я... я страшно любил тебя. Но знал, что жениться на тебе не могу. И твои не одобрили бы, и... Что я был... что я дал бы тебе? Ты институт

закончила, тебя ждала работа, нормальная жизнь, а у меня даже корочки не было. Тянула бы меня, я бы сопротивлялся.

– Бабка сказала, что ты угрожал убить меня, – усмехнулась она сквозь слезы.

– Я действительно мог... ты бы поняла, кто я есть... никто... Появился бы другой, достойный тебя. Я бы это не вынес. Понял бы, что надоел, и... Ты читала много, училась. Мне ничего не хотелось. И во мне тогда много черного, страшного было. А ты... ты была как лучик света, или как там в книжке... Ты во мне надежду зажгла, что я мог бы... нормально.

– Так кто же тебе мешал... разве я не помогла бы...

– Нет, – как-то очень твердо сказал он. – Ты меня до себя сразу возвысила, авансом, тем, что полюбила меня, а я к этому не готов был. Заслужить я должен был эту лучшую жизнь, а не получать даром. Но тогда я этого не понимал, не смог бы сформулировать. Просто знал, что нельзя... что ты будешь со мной несчастной.

– Любил, говоришь... а позволил уехать одной, ночью... даже не проводил, не сказал ничего...

– Я не мог ничего сказать. Ты, тогда... когда предложила остаться... ну не мог я быть таким подлецом! Лучше быть в твоих глазах алкашом, чем... Но я надеялся, что ты днем уедешь, не будешь ждать. Ты же такая гордая была...

– Да уж, гордая... – Галя достала из бардачка бумажный платок и вытерла тушь под глазами.

– Ты была как звезда недоступная, я не смел обладать тобой. Сначала так сильно запал на тебя, что не мог отказаться. Но должен был, и понимал это, и тянул. А когда отказался, ты осталась во мне... ну как тебе объяснить, – ты была, понимаешь? Я сначала думал, плевать теперь на все, пусть мне будет хуже, уехал к отцу, пожил с ним, посмотрел на это, и понял, что вот этим я стать не хочу... Я постоянно думал о тебе, что ты делаешь, как там работу ищешь, как там тебя ценят высоко, как ходишь по своим театрам... и чего-то взял вдруг да и отдал документы в технарй опять, только в Крюково, в общежитии поселился. Не знал, как буду жить и на что, думал искать подработку. При технаре автошкола была, меня туда взяли, я им все тачки починил, ну и поехало... Права получил. «Москвиченок» для меня в технаре списали. Потом с девчонкой познакомился, простой, но способной... Хватка у нее есть, ответственная очень. После технаря Танька на заочку в институт подала, ну и я заодно. А потом...

– Это она? – Галя мотнула головой назад, в сторону его дома.

– Да, – кивнул он.

– Значит, меня бы ты сделал несчастной, вот такой – да? – она смотрела на него почти с жалостью, ткнула большим пальцем назад – туда, где сейчас его симпатичная жена с чудесным младенцем гадали, куда он девался. – Вот с этим всем... с нормальной семьей... ребенок меня бы сделал несчастной? Человеческая жизнь... А ее... Почему ты ей все это дал? Чем же я-то не заслужила?

– Ты куда больше заслужила, разве нет? Ты себя со стороны-то видела? Могу представить, какой у тебя муж... – он окинул глазами машину.

– Муж? Это я сама заработала. Было время на это. Много-много-много времени... которое больше не на что и не на кого тратить...

Гнев куда-то прошел, даже яд растворился, осталась одна пустота.

– Хочешь сказать, ты не замужем? – недоверчиво спросил он.

– Ага. Проклятье безбрачия, забыл? – почти весело сказала она. – Я же тогда его предпочла, помнишь?

Увидела его испуганное выражение и усмехнулась:

– Шучу я. Просто не встретила никого... в ком было бы то, что в тебе...

– Что было?..

– Знаешь... что-то такое... чего ни у кого из знакомых мужчин... сильное, такое глубокое. Я любила тебя... очень долго – да что там, все эти годы... Но... когда я сейчас смотрю на тебя... Ты стал другим. Из тебя это исчезло.

Она намеренно говорила эту жестокость, ей хотелось сделать ему как можно больнее. Чтобы ему стало так больно, как ей сейчас.

– Хорошо, что исчезло, – зло сказал он, и впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то прежнее, темное, неустроенное.

Но тут же пропало, – видимо, показалось.

– Конечно, – сказала она. – Очень даже хорошо. Иди. Мне надо ехать.

Он не тронулся с места, откинул голову на подлокотник, прикрыл глаза.

– Бабка говорила мне, что ты приходила, – неожиданно сказал он. – Не сразу сказала, почти перед смертью.

Галя даже не удивилась, что Нина Егоровна умерла, хотя и было ей, небось, не сильно за семьдесят. Видимо, тоже не вписалась в чужое счастье.

– Я надеялся, ты забудешь меня, – он поднял на нее взгляд, и глаза его снова переполнились виной. – Поверил в то, что забыла. А ты, правда... помнила? Все восемь лет?

– Ну что ты, нет, конечно, – саркастически протянула она. – Кто ж на такое способен... Не ты, это точно.

Она ждала, что он опровергнет ее слова, но он ответил другое:

– Мы потом вернулись сюда жить, я думал, ей веселее будет, бабке... Меня в автосервис взяли начальником мастерских. Кстати, тот парень, у которого раньше пахал, открыл автосалон, на Рублевке, и...

– А Нина Егоровна? – напомнила Галя.

Толик поморщился.

– На свадьбе все молчала в углу, глазами только зыркала на всех, ну правда как ведьма. Потом слезу вдруг пустила.

– Наверно, от радости...

– Не-а, Танька даже обиделась, говорит, я что, ей не нравлюсь? Пыталась поладить с ней, но ты же знаешь бабкин характер. Я ее так и не понял. Она же все хотела меня женить, нормальной жизни, как у людей. Чем ей Танька-то была плоха... А потом она умерла, через полгода. Ванечку не увидела... вот же упрямая старуха.

Он с такой нежностью произнес имя ребенка, что у нее даже кольнуло сердце.

– Действительно, странно, – пожала плечами Галя. – Может, просто не привыкла к переменам, в старости это трудно.

А может, подумала она, Нина Егорьевна вспомнила на этой свадьбе ее, Галю? Может, знала, что она до сих пор одна? Может, она все-таки была немножечко ведьмой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.